

Аркадий СТРУГАЦКИЙ
Борис СТРУГАЦКИЙ

ДНИ ЗАТМЕНИЯ

(сценарий)

Жара.

Раскаленный воздух дрожит над выгоревшим пористым шифером крыш, над размягчившимся асфальтом прямых пустынных улиц. В жарком мареве колышутся бледно-желтые стены сейсмостойких домов, редкие колючие деревья, заросли телеантенн над домами. Улицы пусты, город словно бы заброшен.

Вот на панель выбежал из пыльного палисадника еж, большой, ушастый. Повел носом, поджался я кинулся прочь, оставляя на асфальте цепочку вдавленных птичьих следов.

И тихо. Только подвывают - почти мелодично - торчащие из окон мелкорребристые ящики кондиционеров, истекающие струйками водяного конденсата.

Жара.

Дмитрий Алексеевич Малянов, полнеющий мужчина лет тридцати с небольшим, сидел в одних трусах за столом и довольно бойко перепечатывал на машинке свою статью. В комнате стоял желтоватый от задернутых штор сумрак, было жарко, душно и накурено. Волосатый торс Малянова и небритая его физиономия покрыты крупными каплями пота. На столе дымилась последним окурком набитая до отказа пепельница, горой лежали справочники, свернутые в трубку чертежи и графики, папки с бумагами, картотечные ящики.

Впрочем, Малянов чувствовал себя отлично. Он тарахтел клавишами, вслух зачитывал избранные абзацы, время от времени затягивался окурком и что-нибудь поправлял в рукописи. Он работал и был доволен своей работой. Жары и духоты он не замечал.

- Из уравнения четырнадцать, - диктовал он сам себе, - к системы неравенств семь легко видеть... легко видеть...

Очевидно, видеть было не легко, потому что Малянов прекратил печатать текст, взял листок черновика и глубоко над ним задумался.

Грянул телефон.

- Легко видеть! - сказал Малянов телефонному аппарату.

Телефон гремел. Малянов взял трубку.

- Это база? - осведомился квакающий телефонный голос.

Малянов высоко задрал брови и вытянул толстые губы дудкой.

- А вам какую именно? - вкрадчиво поинтересовался он. - У нас здесь, знаете ли, военно-воздушная. Интересует?

- Чего? - квакнул голос недоуменно. - Это ты, что ли, Печкин?

- Какой я Печкин? Я Спичкин! - провозгласил Малянов и повесил трубку.

- Легко видеть... - снова пробормотал он, глядя в листок.

Телефон зазвонил опять.

- Спасу нет от вас, - сказал Малянов аппарату, вылез из-за стола и, подсмкнув трусы, прошел на кухню. Там он опустился на корточки перед холодильником и отворил дверцу. В холодильнике было пусто, если не считать мятой алюминиевой кастрюли да крошечного кусочка сала, устроившегося на зимовку в морозильнике среди сугробов инея.

Телефон все звонил.

Малянов захлопнул дверцу холодильника и все тем же манером вернулся к письменному столу. Действовал он совершенно механически - глаза его были обращены вовнутрь, губы шевелились.

Он взял трубку.

- Да?

- Это комиссионный? - спросил другой голос, скорее даже приятный.

- Да, это комиссионный, - проговорил Малянов без всякого выражения.

- Скажите, пожалуйста, моя вещь продана?

- Да, ваша вещь продана.

- Можно получить деньги?

- Можно. Можно получить.

- Огромное спасибо! Сейчас приеду!

- Приезжайте-приезжайте... - пробормотал Малянов, кладя трубку. Он покопался в хаосе на столе, развернул черновой график на миллиметровке и погрузился в лето.

- Ничего себе - легко видеть! - произнес он с горечью.

Снова зазвонил телефон.

- Пошел к черту! - сказал ему Малянов. - К дьяволу тебя. К свиньям. К собачьим. К свинячьим... - мысли его были далеко.

Телефон замолк ненадолго, потом зазвонил опять. Малянов снял трубку.

- Алло.

- Димка? Это Захаров говорит. Ну как ты там? Нетленку лепишь?

- Нетленку, нетленку... Чего тебе надобно, Захаров?

- А что так не приветливо?

- Слушай, отец. Я специально отпуск взял. За свой счет. Чтобы поработать как следует. В приятном далеке. Так ведь нет же!..

- Ну извини. Я хотел узнать, ключ от восемнадцатой не у тебя?

- Нет, не у мехи. На доске ищи, в проходной.

- Я искал, там нет...

Брови Малянова пошли вверх, губы вытянулись дудкой.

- Так ты что же, отец, хочешь, чтобы я работу свою бросил, вернулся из отпуска и все для того, чтобы найти тебе ключ?

- Ну ладно, ладно! Ну извини. Тут, понимаешь, слух пронесся, что тебе предложили филиал и ты нас покидаешь.

- Не верь.

- А я и не поверил.

- Но, однако же, решил проверить.

- Так если вся контора гудит! Малянова академик вызывал, Малянову филиал дают, Малянов уходит...

- Все правильно, Захарыч, но я отказался.

- Ну и дурак.

- Тебя не спросили... - сказал Малянов и повесил трубку.

Он стоял в ванной и ждал. Смеситель тряся, грозно рычал, хрипел, плевался брызгами. В ванне воды не было и наполовину. Водопровод в последний раз заворчал на весь дом и затих окончательно.

Тогда Малянов нагнулся над ванной и принялся ополаскиваться. При этом он брызгался и рычал - почти как водопровод. Пока он вытирался обширным полотенцем, в комнате опять зазвонил телефон.

- Это родильный дом? - нарочитым басом спросил Малянов у полотенца и сам себе ответил тоненьким голоском:

- Нет, это зоологический магазин. - И снова басом: - А можно у вас купить красные кровяные тельца? - И снова пискляво: - Нет, у нас в продаже только желтые, синие и зеленые...

Не помогло. Телефон надрывался. Широко шагая, Малянов вернулся в комнату и схватил трубку. Сыроватые его волосы сбились в косматый колтун, и он стал похож на толстую, не совсем нормальную ведьму.

- Вторая образцово-показательная психиатрическая клиника! - объявил он и, поскольку трубка молчала в ошеломлении, добавил: - В чем дело, клиент? Сообщите ваш адрес!

- Дима, это ты? - осторожно осведомился низкий размеренный голос.

- Да... Это кто?

- Вечеровский. Здравствуй.

- Тьфу ты, дьявол! Извини, Фил. С утра, понимаешь, наяривают...

Раздался звонок в дверь - длинный и настойчивый.

- Ч-чер-рт! С цепи сорвались, ей-богу! Подожди минутку, Фил, теперь в дверь наяривают...

- Дима! Стой!..

Но Малянов уже бросил трубку на стол в груды бумаг, а сам устремился в прихожую.

- Дима, алло. Дима, Дима, алло. Дима... - монотонно повторяла брошенная трубка.

На кухонном столе возвышалась среди недопитых стаканов с чаем внушительная картонная коробка, обклеенная тонкими полосками липкой ленты. Из-за коробки выглядывал плюгавый мужичонка в кургузом пиджачке

неопределенного цвета, небритый, потный и несчастный видом. Он искательно улыбался и протягивал Малянову обширные квитанции, переложенные фиолетовой копиркой. Малянов квитанции отвергал.

- Ты способен понять, отец, что я ничего не заказывал? - втолковывал он плюгавому.

- Ну, может, жена заказывала... - лепетал плюгавый.

- Нет у меня жены! Два года, как нет! И денег у меня нет и никогда не было - такие заказы делать!

- Так денег же и не надо! - оживился плюгавый. - Запложено!

И точно, наискосок по квитанциям шла большими фиолетовыми буквами надпись: "Оплачено".

- Отец! Это ошибка какая-то!

- Не может быть никакой ошибки. Распишитесь вот тут...

- Отец! Из своего кармана вложишь!

- Расписывайтесь, расписывайтесь...

Малянов расписался, и плюгавый тотчас выхватил у него из рук квитанцию и упрятал ее за пазуху. Потное лицо его выражало теперь полнейшую растерянность - он словно перестал понимать, где находится, почему и зачем. Он воровато оглядел кухню, втянул голову в плечи и принялся пятиться, глядя на Малянова исподлобья.

Малянов тоже оглядел кухню, но ничего особенного в ней не обнаружил.

- Гос-споди... - слабо проскрипел вдруг плюгавый и опрометью кинулся вон. Ахнула входная дверь, что-то просыпалось за обоями, и стало тихо.

- Ну и денек, - сказал Малянов и посмотрел на коробку.

- Оказывается, коробка успела за это время покрыться инеем. Иней неестественно сверкал на солнце, над коробкой дымился парок. Малянов решительно разорвал картон и, выкативши глаза, извлек на свет громадный полиэтиленовый пакет с глубокозамороженным вареным омаром, пламенеющим красно-коричневым панцирем.

Малянов грохнул на стол окаменелое членистоногое, схватил квитанцию и принялся заново изучать ее.

А день потихоньку катился на убыль, но солнце стояло еще высоко. Воздух над городом раскалился до предела. Все живое замерло, расплзлось, попряталось...

По кривым узким улочкам старого города, мимо раздражающе, ослепительно белых глинобитных домиков, пыля брезентовым верхом, катился грязно-зеленый УАЗ-469, в просторечии именуемый "газиком".

Очередная улочка вывела его на довольно широкую дорогу, и по сторонам пошли новые здания - дома, выстроенные в период так называемых архитектурных излишеств, и странные дома в восточном стиле - рядом с ними особенно нелепо выглядели серые корпуса производственных зданий с блеклыми разводами на глухих бетонных стенах.

Коротко стриженный лопухий мальчишка-шофер переключил скорость, и газик, завывая коробкой передач, резво покотился в гору. Выскочив на холм - город сверху казался совершенно покинутым, - шофер лихо заложил вираж, и машина на хорошей скорости понеслась под уклон... Поворот, еще поворот, открылась новая улица, уставленная однообразными аккуратными пятиэтажными домами, у подъезда одного такого дома газик затормозил.

Пассажир распахнул дверцу и неторопливо выбрался наружу, стараясь не слишком испачкаться о пыльный борт. Он был высок ростом и вообще обширен во всех своих измерениях. Все у него было крупное, массивное - руки, ступни, мясистое грубое лицо, изуродованное старыми шрамами и ожогом.

Он осторожно огляделся - довольно странное движение, совсем, казалось бы, этому человеку не свойственное, - и скользнул взглядом по фасаду дома. В окне второго этажа виднелся Малянов, сидящий на подоконнике. Седой человек приветствовал его, поднявши растопыренную пятерню, Малянов с готовностью ответил ему тем же.

Он сидел на подоконнике. Солнце уже ушло в другую сторону дома, и шторы теперь можно было раздернуть. В руке Малянов держал гигантский бутерброд, пышно разукрашенный зеленью. Зелень торчала во все стороны, и, откусывая от бутерброда, Малянов погружался в эту зелень, как лошадь в сено.

- ...Представляешь? - говорил он, не переставая жевать. - Моам?

Муам... И причем жратва первоклассная! Омары, например. Кстати, ты не знаешь, что с омарами делают?

Сидя в единственном кресле, его внимательно слушал Филипп Вечеровский, элегантный, как дипломат на приеме, в великолепном костюме, ослепительной сорочке... галстук единственно возможной расцветки... запонки... в руке трубка, и, разумеется, не какое-нибудь там ширпотребовское барахло за три пятнадцать, а настоящий "Данхилл" с белой точкой. Бледное вытянутое лицо его было непроницаемо спокойно, белесые ресницы помаргивали.

- Знаю, - сказал он, и это прозвучало, как приговор.

- Это я и сам знаю, - сказал Малянов. - Но как его приготовить? Он же, подлец, глубокозамороженный...

За окном Малянов видел лопоухого мальчишечку-шофера и седого человека с изуродованным лицом. Они стояли возле газика и разговаривали, причем седой поминутно и очень неумело озирался по сторонам. Оба - в черных мешковатых костюмчиках и в старомодных бобочках с отложными воротничками. Седой держал в руке объемистый кожаный портфель.

- Дима, - сказал Вечеровский, помолчав, - это правда, что тебе предложили филиал?

- Да. А ты откуда знаешь? Уже и до твоего, значит, института...

- Ты согласился?

- Нет.

- Почему?

Малянов отвернулся и стал смотреть в окно. Седого уже не было около газика. Шофер в одиночестве стоял, рассматривая обширную грязную тряпку, которую держал, расправивши перед собой. Потом он пошел вокруг машины, отряхивая от пыли брезентовый кузов.

- Не хочу, - сказал Малянов, все еще глядя в окно. - Я, извините за выражение, ученый. Я не хочу быть директором.

- У тебя не осталось идей?

- У меня есть идеи, Фил. Именно поэтому я не хочу превращаться в администратора. Пока что-то еще шевелится здесь... - от стукнул себя кулаком в потный лоб. - Пока еще не омертвело напрочь...

- Насколько я знаю, филиалу будут выделены большие деньги. Это задумано как очень серьезное предприятие, и человек, имеющий идеи...

- Ты, кажется, тоже вознамерился уговаривать меня, как девку красную.

- Нет. Я просто хотел бы понять, почему ты отказался.

Малянов смотрел, как шофер, прекративши пыльное свое занятие, заталкивает тряпку за противотуманную фару. Седой вышел из парадной и двинулся к машине. Портфеля с ним не было - он держал подмышкой толстенную ядовито-зеленую папку. Вторая папка, тоже зеленая, но еще более толстая, висела у него в авоське в другой руке. Шофер кинулся ему помогать, они погрузились в автомобиль и уехали.

- А черт его знает, почему я отказался, - проговорил наконец Малянов.

- Зло взяло. Какого дьявола? В прошлом году о Малянове и разговаривать не хотели - молод, видите ли, недостаточно зрел и вообще - участник бракоразводного процесса. Ладно, отцы! Я на это наплевал и забыл. А теперь вот, когда у меня самое что ни на есть пошло... Ты помнишь, я тебе рассказывал про полости макроскопической устойчивости?

- Полости Малянова? - сказал Вечеровский, усмехнувшись.

- Ладно-ладно! Нечего!.. Так вот, я доказал, кажется, что они существуют. Ты понимаешь, что это означает и что отсюда следует?

- Откровенно говоря, не совсем.

- Не совсем!.. Я и сам еще не совсем понимаю, но я тебе гарантирую, что это - новая теория звездообразования как минимум, а может быть, я вообще самая общая теория образования материи в физическом понимании этого слова. Сечешь?

- Секу помаленьку, - сказал Вечеровский. Он произнес эти слова так, как мог бы их произнести просвещенный дворянин девятнадцатого века.

- Это - нобелевка, отец! - сказал Малянов, выкатывая глаза и понизив голос. - Это нобелевкой пахнет! А они хотят, чтобы я все бросил и занялся ихним дурацким филиалом? Да гори он огнем! Я и без всяких филиалов работать не успеваю. Отпуск взял. Представляешь, за свой счет. Чтобы никакая собака не мешала. Нет же - звонят с утра: почему не хочешь быть директором? И вообще все как с цепи сорвались - телефон обезумел, дядьки

какие-то прутся с доставкой на дом...

Вечеровский немедленно встал, и Малянов спохватился:

- Стой! Я же не про тебя, Фил!.. Давай, кофейку сейчас сварганим...

- Спасибо, нет... Да и не умеешь ты кофе варить, если откровенно...

- Ну ты заваришь! По-венски, а? А потом омара будем тушить. С картошкой!

Но Вечеровский уже неудержимо продвигался к двери.

- Я ведь, собственно, забежал к тебе на минутку. У меня же еще лекция сегодня... Да, кстати, фамилия Снеговой тебе ничего не говорит?

- Арнольд Палыч? - удивился Малянов. - Он вот в той квартире живет. Дверь дерматином обита.

Они стояли на пороге маляновской квартиры и через лестничную площадку смотрели на обитую дерматином дверь. Потом Вечеровский проговорил медленно:

- Вот как?

- А в чем дело? - спросил Малянов. Реакция Вечеровского была ему непонятна и показалась странной. - Он тебе нужен? Так он уехал только что, я видел в окно...

Вечеровский пару раз моргнул, все еще глядя на дерматиновую дверь, потом спросил:

- А кто он, собственно, такой?

- Инженер, по-моему. А что?

- А где работает?

- Не знаю. Кажется, на объекте. Знаешь объект на Южном мысе? По-моему, там. А что случилось, Фил?

- Где? - странно спросил Вечеровский, обратив наконец на Малянова своя белесые глаза. Малянов от такого вопроса смешался, и Вечеровский, отдавши ему что-то вроде чести указательным пальцем, направился к лестнице.

Малянов работал. Пишмашинка с вставленным полуисписанным листом стояла теперь на полу в стороне. Ее место на столе занял микрокалькулятор, и Малянов, нависая над ним, пыхтя и обливаясь потом, пальцем левой руки набирал программу, считывая ее с длинного листка бумаги. Набрал, запустил счет. Калькулятор замигал красным окошечком дисплея, а Малянов удовлетворенно откинулся на спинку стула, отдуваясь и слизывая пот с верхней губы.

Затрещал телефон. Малянов приподнял к тут же опустил трубку жестом совершенно механическим.

За окном уже надвигался вечер. Люди появились на улице. У подъезда на скамеечке сидели неподвижные черные старухи. Жара спадала. Медно-красное солнце тяжело висело над голыми скалами-сопками, окружившими город.

Малянов быстро писал формулы, строчка за строчкой, густо, ровно, как по линейке. Потом вывел с особой тщательностью: "Л_е_г_к_о
в_и_д_е_т_ь". Обвел рамкой. Второй. Третьей... Нервно захихикал, подпрыгивая на стуле. Застыл с идиотской улыбкой, выкатив невидящие глаза.

- Легко видеть! - провозгласил он.

Голос у него был хриплый, и он откашлялся. Телефон брякнул неуверенно. Малянов строго посмотрел на него и сказал:

- Теперь, на самом деле, надо насчет пучностей уточнить... На самом деле, насчет пучностей чушь какая-то у нас получилась, Малянов... - Он принялся перебирать листочки, разбросанные по столу и по полу. - "Отсюда ясно..." - прочитал он. - Вот тебе и ясно. Ясно, что ничего не ясно...

И тут раздался звонок в дверь.

За порогом квартиры стояла понуро, словно отбывая некое неведомое наказание, нескладная молоденькая девица в унылой длинной юбке и затрапезной кофте неопределенного фасона. Испуганные слегка косящие глаза за толстыми стеклами очков. Костлявые лапки прижимают к животу тоскливого вида ридикюль. И возвышается у ног чудовищный полуторный чемодан, обвязанный белой бечевкой...

Малянов, свирепо хмурясь и играя желваками, еще раз перечитал записку.

- Узнаю свою первую жену, - произнес он с горечью.
- Она сказала, что вы будете только рады... - пролепетала девица.
- Ну еще бы! - сказал Малянов саркастически. - "Она тебе оч. понрав.", - процитировал он из записки. - Это вы. Вы мне оч. нрав.
- Да... - угасающим голосом проблеяла девица. - Но я не буду мешать.
Малянов глянул на нее почти злобно, но тут же спохватился. В сущности, он был человек добрый и склонный к сочувствию.
- Ладно, - сказал он. - Победила дружба. Заходите. Лидочка?
- Да, - сказала девица, счастливо заулыбавшись. У нее даже глаза за очками увлажнились подозрительно. Она подхватила свой чудовищный чемодан и двинулась вперед. Малянов еле-еле успел чемодан перехватить.
- Ого! - крикнул он. - Что у вас там? Походная библиотека? Нет, вот сюда, налево...

Он почти протолкнул растерявшуюся Лидочку в бывшую детскую. Здесь в углу пестрели заброшенные и забытые игрушки. Стены были увешаны яркими детскими картинками. Кое-где темнели квадраты невыгоревших обоев - там, где какие-то картинки были сняты...

Малянов грохнул чемодан в угол и приказал Лидочке сесть. Она поспешно и послушно опустилась на кушетку, глядя на Малянова овечьим взглядом.

- Спать будете здесь! - распорядился Малянов. - Окно можете открыть. Белье - в шкафу. Сортир - налево за углом. Найдете. Ванна там же. Очень удобно. Я буду работать. Пока я работаю, в доме должна дарить абсолютная тишина. Ваша подруга, она же моя первая жена, этого не понимала, поэтому я ее выгнал. Сечете?

В косеньких глазах появился ужас. Малянову это очень понравилось.

- Можете лежать, сидеть, читать. Можете играть вот с тем зайцем. Но тихо! Никакой беготни, никаких этик считалок, песенок и та да...

Внезапно чудовищный чемодан поехал сам собою по полу и повалился набок. Загудело за окном. Качнулась люстра. Лидочка ошеломленно ойкнула и вцепилась обеими руками в кушетку.

- Спокойно! - сказал Малянов - Это маленькое землетрясение. В вашу честь. У нас тут бывает... А завтра ожидается даже небольшое солнечное затмение. Тоже - в вашу, как я понимаю, честь...

За окном было уже совсем темно. Малянов включил настольную лампу и сидел за столом, положив волосатые кулаки на обе стороны от чистого листка бумаги, набычившись, выдвинув челюсть, лаки по обе стороны от чистого листка словно собирался наброситься на кого-то, кто сидит по ту сторону стола. Но там никого не было. И в комнате никого не было. Дверь закрыта. Слышно, как ворчит вода в ванной и позвякивает посудой Лидочка на кухне. Потом там раздается отчаянный сдавленный вопль, дребезг стекла, и наступает мертвая тишина.

Малянов вздрогнул и посмотрел на закрытую дверь. Выражение лица его переменялось. Он вытянул губы дудкой, повел носом, как всегда, когда намеревался состричь, но тут же забыл обо всем, схватил фломастер и нарисовал на листке жирный красный контур, а на контуре - стрелку. Взял другой фломастер - зеленый. Рядом со стрелкой красиво вывел е. Откинулся на спинку, чиркнул спичкой, закурил удовлетворенно, но тут скрипнула дверь и Лидочка, просунувшись в комнату половинкой жалкой физиономии, пролепетала горестно:

- Дмитрий Алексеевич, я чашку разбила.

- Как! - театрально провозгласил Малянов, развлекаясь. - Еще одну?

- Да. Синюю. С корабликом.

Малянов встал.

- Черт побери! - сказал он уже без всякой театральности. - Извините, Лидия, но вы все-таки поразительная корова!

- Я нечаянно, Дмитрий Алексеевич!..

Малянов проследовал на кухню. Стол там был накрыт к ужину, и со вкусом. Кушанья разложены по тарелочкам. Салат. Зелень. Капельки воды весело искрились на свежeweымытой редиске...

А на углу стола лежала синяя чашка в трех частях. Малянов взял в руки одну из частей и бережно покрутил ее в пальцах. Взял вторую. Попытался сложить. Части сложились охотно, и образовалась золотистая надпись: "...ому папе на день рожде..."

Малянов посмотрел на Лидочку. Та обессиленно опустилась под его взглядом на табуретку, и поза ее выразила такое отчаяние, что он смягчился.

- Ладно уж, - сказал он. - Долой сантименты! Где ведро?
- Не надо в ведро, - сказала Лидочка. - Я сама склею.
- С вашими способностями вам знаете, что надо склеивать?
- Не знаю, - сказала Лидочка отчаянно. - Я вам еще доску расколола.
- Какую доску?!
- Деревянную. Для хлеба.

Малянов картинно развел руки.

- Ну это уже все! - провозгласил он. - Вызываю специалиста. Пора.

- Не смейтесь! - сказала Лидочка. - Ничего смешного здесь нет! Вы просто ничего не понимаете... Вы как каменный... Шуточки, прибауточки, а глаза - мертвые, пустые, и весь вы там... - Она ткнула пальцем в сторону кабинета. - С вашими дурацкими проклятыми формулами!.. Вы же не соизволили узнать меня. Я для вас сейчас чучело гороховое, посмешище, а тогда ухаживали, руки целовали... цветы...

Малянов не глядя нащупал стул и уселся.

- Какие цветы? - сказал он растерянно. - Когда?

- Четыре года назад. В Гаграх. Вы еще ходили в такой желтенькой рубашке с надписью "Дельта сайнс фикшн"... - Она вдруг улыбнулась сквозь слезы. - Домните, как вы меня тогда дразнили: "Лидия! Отвратительная мидия!.." Мы с вами мидий собирали и варили из них похлебку с луком. Ну неужели вы совсем ничего не помните?!

Малянов, растерянно таращивший на нее глаза, не успел ничего ответить, потому что в дверь забарабанили и затрезвонили разом, будто целая толпа хулиганов рвалась в квартиру, но оказалось, что это всего-навсего один тощий старикашка - сосед с нижнего этажа.

- Вы что тут - с ума все сошли! - ужасным фальцетом вопил он. - Ведь у меня же там все затопило! Что вы тут делаете? Куда смотрите? Потолок же обваливается... обои! Книги!..

Малянов метнулся в ванную. Ванна была переполнена, на полу - по щиколотку воды. Горячей. С паром.

- Лидия! - загремел Малянов. - Ведь я же предупреждал вас, что сток не работает!..

Он схватил тряпку, пустое эмалированное ведро и шагнул в ванную.

Он собирал воду тряпкой и отжимал ее в ведро. Она работала мусорным совком и довольно ловко. Оба они были мокрые от пота, воды и пара, а старикашка реял над ними, не переставая браниться и жаловаться.

- Надо быть самой фантастической коровой...
- Не предупреждали вы меня! Не предупреждали и все!
- Самой надо соображать! Самой! Голова вам на что?
- Нет, таких людей нельзя селить в современном доме! (Это уже старикашка.) Это же дикие люди! Таким надо жить в деревне, в кишлаке... Ив шайки мыться!...

- Я вам говорил, что струя слишком сильная?
- Нет, не говорили!
- Я вам...
- Не говорили, не говорили, не говорили!!!
- Из шайки, из корыта мыться, но не в ванне...
- Второе ведро возьмите, я вам говорю! В кладовке!
- Откуда мне знать, где тут у вас кладовка!..
- Нет, я все понимаю! - это - старикашка. - Я сам интеллигентный человек. Но ежегодно устраивать потоп... Ежегодно!

И звенит совок о край ведра, и всхлипывает залитая слезами Лидочка, и ужасно кряхтит Малянов, ползая на коленках по мокрому кафелю пола.

Малянов стоял над своим рабочим столом, тщательно утирался большим махровым полотенцем и тупо рассматривал огненно-красный контур на чертеже, забытом да столе. По всей квартире было натоптано мокрыми ногами, входная дверь распахнута настежь, гремел мусоропровод с лестницы, и доносились из кухни душераздирающие рыдания.

Малянов тяжело вздохнул, смял чертеж с красным контуром, бросил бумажный комок на пол и, растирая полотенцем спину, направился на кухню.

Все уладилось, впрочем, наилучшим образом. Они вкусно и с аппетитом поужинали, выпили водочки из роскошной импортной бутылки, потом откупорили хванчкару. Лидочка покраснелась, развеселилась и чудо как похорошела. Малянов в свежей белой сорочке и причесанный выглядел почти элегантно - мешала, однако трехдневная щетина. Разговоры велись самые легкомысленные. Например, о ложной памяти.

- Да нет же, Дмитрий Алексеевич! Я все помню совершенно отчетливо! И эту вашу ярко-желтую рубашечку, и голос ваш, и какие стихи вы мне читали над морем...

- Какие же?

- "Старый бродяга в Аддис-Абебе, покоривший многие племена..."

- Гм. Мо-от быть, мо-от быть... Но, золотко мое...

- Ирина нас познакомила, а потом сама же и ревновала ужасно...

- Вполне! Вот это - вполне! Очень похоже на мою первую жену. Но, Лидочка, поймите... Да, я люблю женщин. К чему скрывать? И они меня любят. И у меня было их много. И моей первой жене это чертовски не нравилось... Но, деточка, не настолько же много их у меня было, чтобы я забывал целые эпизоды!

- А как пограничники за нами гнались, тоже не помните?

- Нет. А почему это за нами вдруг погнались пограничники?

- Мы сидели с вами на пляже поздно вечером. Они прошли мимо, а вы прошептали им вслед таким зловещим шепотом, на весь пляж: "Место посадки обозначьте кострами..."

Малянов радостно ржал, мотал щеками и приговаривал:

- И все-таки не было этого ничего. Не было! Ложная память, дитя мое, ложная память... Это все вам приснилось...

Лидочка с почти священным трепетом рассматривала пустой уже панцирь омара, в то время как Малянов излагал ей предысторию сегодняшнего ужина.

- ...И вино, и водка, и зелень, и все эти вкусности... Представляешь, мать? - они уже были на ты.

- И все оплачено?

- И все оплачено! Кем? Не знаю. Как это все получилось? Представления не имею...

- Но ведь ты понимаешь, Митя, что так не бывает. Даром ничего не бывает. За все приходится когда-нибудь платить. И хорошо, если деньгами. Потому что если не деньгами, то чем же?

Лидочка говорила все это так серьезно, с такой неожиданной печалью и горечью в голосе, что Малянов, убравший столовой ложкой остатки салата, приостановил свое занятие и посмотрел на нее с сомнением.

Строгая и грустная девушка сидела перед ним. Красивая. Очень чужая и странная. За спиной ее качалась и шевелилась на стене огромная бесформенная тень. А омар в тонких пальцах шевелился как живой и словно пытался вырваться, освободиться, уползти куда-нибудь подальше.

В легком разговоре возник явный и неприятный перебой. Оба молчали. Оба искали, что сказать, и не находили. Малянов несколько судорожно схватил бутылку и принялся старательно подливать вино в стаканы, и без того полные.

- И-ну уж, прямо-таки... - промямлил он. - С-слушай... Да! А какие у тебя, мать, планы в нашем прекрасном городишке?

- Планы? - этот простой вопрос привел, по-видимому, Лидочку в полное недоумение. Она явно не знала, что на него ответить. - У меня?

- У тебя, у тебя?..

- А что тут у вас есть?

- Н-ну, как что? Море. Пустыня вон, за сопками.. Все есть. Обсерватория. Старый город... Мечеть одиннадцатого века... Слушай, старуха, ты все равно стоишь, достань-ка вон там, с полки, альбом...

Лидочка сейчас же послушно вскочила за альбомом, и Малянов, оживившись, принялся рассказывать про мечеть и про обсерваторию, иллюстрируя свою импровизированную лекцию фотографиями из альбома.

Потом, когда со стола было убрано, сели пить чай с вареньем, Малянов все порывался рассказать о своей работе, но Лидочку это совсем не интересовало. Более того, разговоры о маляновской работе не то злили, не то раздражали ее.

- Не надо, Митя! Не хочу!

- Нет, мать. Ты попробуй представить себе эту картину: жуткая черная бездна, пустота... пустота абсолютная, человек не может себе такую даже вообразить - ни пылинки, ни искорки, ничего! И ледяной холод. Мрак и холод. И вдруг, словно судорога, - взрыв, беззвучный, конечно, звуков там тоже нет... И эта мрачная пустота... это пустое пространство содрогается и сминается, как пластилиновая лепешка...

- Ну не надо, Митя! Я прошу вас, пожалуйста... Не могу я, когда вы об этом говорите и даже думаете... Я не шучу, не смейтесь...

- Старуха! - возмутился Малянов. - Ведь мы с тобой выпили на брудершафт!

- Ну, хорошо, ну, "ты"... Только не надо больше про это...

- Эх, Ньютону бы об этом рассказать! Вот бы старик воспламенился! Это он только языком трепал: гипотез, мол, не измышляю. Гордое смирение! А у самого воображение работало ого-го!

- Я, слава богу, не Ньютон.

- Старушечка! Я же популярно... без математики...

- И популярно не надо. Не думай об этом.

- Невозможно, мать. Когда я работаю, я думаю только о работе.

- А ты не думай. И не работай. Черт побери, Дмитрий! Ты ведь сидишь рядом с женщиной!.. И что это за мужики пошли...

- Дети и книги делаются из одного материала, - процитировал Малянов не без скабрёзности.

- Что это такое?

- Бальзак. Или Флобер. Не помню точно.

- Не понимаю.

- А что тут понимать? Либо детей делать, либо книги. Одновременно - не пойдет. Материала не хватит.

- Глупости какие!

- Безусловно. Но сказано элегантно. А может быть, не так уж и глупо, если призадуматься.

- Не надо призадумываться!

- Ом, до чего же вы, бабы, не любите призадумываться!

- А нам это ни к чему. Мы и так все знаем. Наперед. Ведь Ева съела яблоко, а Адам, бедняжка, только надкусил.

Малянов посмотрел на нее критически. Да, она явно кокетничала. Она пыталась ему понравиться, бедняжка. Старалась показаться значительнее и умнее. Но слишком уж она была непривлекательна в дурацком своем наряде и безобразных очках. И косая вдобавок.

- Ох, мать... - Малянов поднялся и налил еще чаю, себе и ей. - Жаль мне вас. Думать - это, брат, прекрасно! Это единственное, что отличает нас от обезьяны. Иногда меня вдруг осеняет: вот сижу я за столом, такой маленький, такой жалкий, ничтожный, крошка, пылинка, полпылинки... а в мозгу у меня - вспыхивают и гаснут вселенные!.. Когда я осознаю это... Старуха! Это ощущение я не променяю ни на какую женщину!.. Вот дети, это - да! Ребенок - это сгусток будущего. Это, мать, будит воображение... Это, знаешь ли... На самом деле... - Он вдруг оживился. - На самом деле, настоящие идеи, они похожи на детей. Честное слово. Они зарождаются под черепушкой, как дети во чреве, и копошатся там, и сладко так толкаются... Ты рожала когда-нибудь, старуха? Нет? Ну ты тогда не поймешь...

Все это он говорил без тени юмора. Ему и в голову не приходит, что в его устах это звучит забавно. Аналогия только что пришла ему в голову и страшно его увлекла.

- ...Заметь, они требуют усиленного питания - духовного, конечно, в первую очередь... и всяческого внимания, и бережного отношения, и времени... Упаси бог поторопиться - будет выкидыш!.. А потом происходит таинство.. акт появления на свет... роды, если угодно. Бог ты мой, как это на самом деле мучительно! Если бы ты понимала! Роды ее, перенеси на бумагу, дай ей словесную, знаковую плоть... И какая она жалкенькая сразу после рождения - даже самая могучая идея! - какая она беспомощная, сырая, уродливая...

Тут вдруг Лидочка посмотрела Малянову через плечо и отчаянно взвизгнула. Малянов резко повернулся, повалив табурет. В полусумраке коридорчика страшно светилось изуродованное лицо Снегового.

Секунду стояла напряженная тишина, а потом Снеговой проговорил

хрипло:

- Извините меня, Дмитрий Алексеевич, но дверь у вас была настежь...

- Бога ради, бога ради! - зачастил опомнившийся Малянов. - Замок дрянь, не защелкивается... Да вы заходите, Арнольд Палыч, садитесь.

- Нет-нет! Ни в коем случае, Дмитрий Алексеевич... - Снеговой был вполне корректен и вел себя совсем по-светски, но странно было, что, разговаривая с Маляновым, он почти неотрывно глядит на Лидочку. - Ни в коем случае! Я ведь почему зашел? Книгу! Книгу же я вам обещал и совсем забыл... Вы, может быть, заглянете сейчас ко мне?

- Какую книгу? - ошеломленно бормотал Малянов. - Что-то я не прип...

- А то я, знаете ли, завтра убываю, и надолго... - продолжал Снеговой, беря Малянова за рукав халата и увлекая его за собою. - Я забираю его у вас буквально на минутку, - обратился он к Лидочке. - Извините меня... - и снова к Малянову: - Было бы глупо, если бы я забыл... Сам же обещал, даже навязывал, и сам же забыл... Однако же, слава богу, вспомнил в последнюю минуту...

Продолжая молотить одно и то же, как заведенный, он протащил Малянова через прихожую, а на лестничной площадке, когда Малянову удалось наконец освободить свой рукав и он уже рот раскрыл, чтобы разразиться негодующей речью, Снеговой близко глянул ему в глаза и вдруг поднял и прижал к своим губам толстый корявый палец.

После этого немыслимого жеста Малянов, потрясенный и заинтригованный, полностью покорился, и они осторожно, почти на цыпочках, прокрались через лестничную площадку к обитой дерматином двери.

В квартире Снегового свет горел повсюду - в прихожей, в обеих комнатах, в кухне и даже в ванной. Все мыслимые источники были включены. И вообще квартира производила довольно-таки странное впечатление. Повсюду - на полках, на столах, на стенах - располагались десятки и сотни разнообразнейших раковин и улиток - от огромных тропических, рогатых и многоцветных, до самых невидных, маленьких и скромных, россыпью наваленных в огромное блюдо на журнальном столике. И не только улитки - самые неожиданные спирали и их красочные изображения наполняли квартиру. Винты, шурупы (и среди них - гигантские!), спиральные пружины, шнеки, яркие схемы каких-то спиральных образований и даже великолепные цветные фотографии спиральных галактик чуть ли не в полстены размером...

- Кто эта женщина? - негромко, но как-то очень напористо и с непонятной неприязнью спросил Снеговой, едва они вошли в комнату.

- Лидочка. Знакомая... Просто знакомая.

- Давно знакомы?

- Н-нет... Сегодня приехала... с запиской от жены...

- Вы же в разводе.

- Да. Но не могу же я отказать... - Малянов спохватился. - Арнольд Палыч, в чем дело? Вы ее знаете? Она что?..

- Стойте. Спрашивать буду я. Времени у нас нет, Дмитрий Алексеевич, вот что. Давайте по порядку. Во-первых, возьмите книгу.

- Какую?

- Любую, - сказал Снеговой нетерпеливо. - Возьмите вот эту и держите в руках, чтоб потом не забыть... И давайте присядем на минутку.

В полном обалдении Малянов взял со стола толстый том и, зажав его под мышкой, опустился на диван у торшера. Снеговой сел рядом и тотчас же закурил. На Малянова он не глядел. Снеговой, видимо, и в самом деле собирался уезжать. На полу и на стульях были расставлены раскрытые чемоданы, наполовину забытые одежды, книгами и какими-то папками. На распахнутой дверце шкафа висел на распялочке темно-синий парадный костюм с орденскими ленточками сорочка, галстук.. Сам Снеговой был в обширной полосатой пижаме, в домашних стоптанных тапочках.

- Значит, по порядку... - прогудел он, глядя в угол и поминутно затягиваясь. - Во-первых. Над чем вы сейчас работаете?

- Я? А что?

- Вы ведь, кажется, астроном? Так?

- Так.

- Наблюдатель?

- Нет. Теоретик.

- А такая фамилия - Губарь - вам ничего не говорит?
- Губарь? Губарь... Нет, Арнольд Палыч, что случилось?
Снеговой раздавил окуроч в пепельнице и тут же закурил снова.
- А фамилия Глухов?
- Глухов? Тоже нет... Хотя подождите, у Вечеровского же есть приятель Глухов... Владлен... Владлен...

- Историк?
- Д-да... кажется.
- Так! - Снеговой поднялся и, жуя окуроч, прошелся по комнате, засунув огромные свои лапы в карманы пижамы. - А Вечеровский?..
- Да я же вас с ним знакомил! Он биолог, очень крупный, с европейским именем...

- Да-да... Помню... Вечеровский... - прогудел Снеговой. - Помню, конечно... Спасибо, Дмитрий Алексеевич. Это очень ценно, что вы мне сообщили... Да! Так над чем вы сейчас работаете?

И тут Малянову стало страшно. Снеговой был не похож на себя. Вопросы его скрывали какую-то тайную угрозу... И Малянов разозлился:

- Слушайте, Арнольд Павлович! - сказал он. - Я не понимаю!..
- Я тоже! - сказал Снеговой резко. - Я тоже не понимаю, а понять надо! Пока не поздно. Рассказывайте. Подождите!.. У вас закрытая тема?
- Какого черта закрытая! - сказал Малянов раздраженно. - Общая космология, немного астрофизики и звездной динамики.. теория гравитации... Я доказываю, что некоторые виды сингулярностей устойчивы... Да вы все равно ничего не поймете, Арнольд Павлович.

- Сингулярности... - медленно проговорил Снеговой и пожал плечами. - В огороде бузина, а в Киеве дядька... И не закрытая? Ни в какой части?

- Ни в какой букве!
- И Губаря не знаете?
- И Губаря не знаю.

Снеговой засмолил третью папиросу. Он стоял перед Маляновым, нависая над ним, - огромный, сгорбившийся, страшный - и молчал. Потом он сказал:

- Ну, на нет я суда нет. Извините меня, Дмитрий Алексеевич. У меня все.

- Да, но у меня не все! - сварливо сказал Малянов, поднимаясь. - С вашего позволения, Арнольд Павлович, я бы хотел узнать...

- Не могу, - сказал Снеговой как отрезал. - Не имею права.

И не обращая более никакого внимания на Малянова, он подошел к столу и принялся разгружать карманы пижамы. Носовой платок, грязный, мятый, - в угол. Пачка "Беломора". На стол. Коробок спичек. Еще один коробок спичек... Какие-то сложенные бумажки... авторучка...

Потом он извлек на свет огромный пистолет и сунул его небрежно в первый ящик стола.

Увидев этот пистолет, Малянов приоткрыл рот и тихонько попятился к двери.

На пороге своей квартиры Малянов задержался и прислушался. Дверь была приоткрыта, виднелся свет в щели, но звуков никаких слышно не было, кроме, впрочем, ворчания водопровода. Тогда Малянов осторожно прошел в прихожую. Дверь при этом отчаянно заскрипела, и Малянова всего перекосило от этого скрипа.

В кухне было пусто. Стол прибран, чисто протерт. Вся грязная посуда - в мойке. Пол подметен. Газ выключен. И никого.

И в ванной тоже никого. Висят на бельевой веревке розовые трусики и такой же лифчик.

Малянов прошел в кабинет, положил на край стола толстый справочник Снегового и некоторое время стоял в нерешительности, озирая свое хозяйство: включенный калькулятор с красными цифрами на дисплее, груды исписанной бумаги, рулоны графиков, бумажные листы, разбросанные по всему полу...

Потом он вытянул губы дудкой, задрал брови повыше, словно собирался отмочить какую-нибудь шуточку, повернулся и на цыпочках, но решительно направился в бывшую детскую.

Лидочка мирно спала. Мигающий фонарь за окном выхватывал из темноты контуры ее тела, закутанного в простыню, бледное, без кровинки лицо с поджатыми губами. Лицо это было сейчас таким непривлекательным и даже страшноватым, что Малянов, казалось, оставил свои решительные намерения и

остановился на полдороге, неспособный решить, так ли уж ему нужно то, за чем он сюда приперся.

И вдруг давешний гул прокатился за окном, снова подпрыгнул и повернулся на месте огромный лидочкин чемодан, и фонарь на улице сперва замигал и задержался, словно припадочный, а потом вдруг разгорелся в полную силу.

Всю комнату залило ртутным мертвенно-синим светом, и в этом свете Лидочка вдруг поднялась на постели, села, придерживая на груди простыню, и уставилась на Малянова ясными, широко раскрытыми глазами. Будто и не спала вовсе.

- Трясет... - сказал Малянов, словно оправдываясь. - Кому-то мы очень не нравимся...

- Дмитрий Алексеевич, - сказала Лидочка негромко. - Идите сейчас же спать.

Голос у нее был, что называется, "железный", в опытное ухо Малянова не улавливало в нем ни тени надежды. Само по себе это, может быть, и не остановило бы его, но... Все было не так, как должно быть и бывает обычно в подобных случаях. И резкий беспощадный свет в окно - словно любопытствующий прожектор. И подрагивающие стены, и шорох штукатурки, осыпающейся где-то от подземных толчков. И женщина в постели... Не женщина сидела там, выпрямившись, прижавшись лопатками к стене, - ведьма это сидела, кутаясь в простыню. Сухая кожа туго обтягивала лицо, и обнажились верхние зубы - то ли в улыбке, то ля в оскале каком-то.

- Так уж прямо и спать... - глупо сказал Малянов, переминаясь с ноги на ногу. - Рано еще спать. Пусть дети спят.

Лидочка молча смотрела на него. Ведьма на допросе.

- Ну что ты в самом деле! - сказал он, слегка приободрясь. - Лидия! Отвратительная мидия!

Лицо ее дрогнуло, она словно бы расслабилась мгновенно.

- Что ты глядишь на меня, как ведьма на допросе? - он шагнул вперед и оказался на краешке кушетки. Женщина снова напряглась и чуть отодвинулась.

- Ну ладно. Ну не буду. Как хочешь. Пойду тогда работать. Сегодня весь день не давали работать. Как с цепи сорвались, честное слово. Сначала - телефонные звонки. Потом этот деятель с замороженным омаром. Потом Вечеровский приперся...

- Потом я, - сказала Лидочка тихо.

- Потом ты, - согласился Малянов.

- А кто это сейчас приходил?

- Сосед.

- Зачем?

- Да так... Ерунда разная. Про тебя расспрашивал, между прочим.

- И что ты ему сказал?

- Сказал: это одна моя знакомая ведьмочка... - промурлыкал Малянов, предпринимая кое-какие разведывательные действия.

- А он?

- А он... всякие глупости спрашивал... про общих знакомых...

- А ты?

Малянов не ответил.

Он проснулся утром от выстрела. Выстрел ахнул у него прямо над ухом, так что он подскочил на тахте и сел озираясь. В комнате все было, как вчера, но из раскрытого окна доносился какой-то галдеж, там рычали двигатели, высокий голос повторял: "Не создавайте препятствия... Проезжайте... Проезжайте быстрее..." И какой-то смутный галдеж доносился из-за входной двери, с лестничной площадки.

Малянов спрыгнул с тахты и прежде всего высунулся в окно. У подъезда толпился народ, стояли неподвижно и ерзали, пристраиваясь поудобнее, многочисленные автомобили: милицейская ПМГ с мигалкой, "скорые", газик Снегового и еще четыре "Волги" - три пропыленные, жеванные, черные и одна новенькая, ослепительно белая. Половина проезжей части была всем этим перегорожена. Проезжающие машины притормаживали, останавливались, гаишник с жезлом прогонял их прочь, покрикивая высоким голосом. Белая "Волга" вдруг газанула, из выхлопной трубы вылетел клубок светлого дыма, выстрелило оглушительно, и "Волга" заглохла...

Малянов кое-как оделся и выскочил на лестничную площадку.

Здесь, оказывается, тоже было полно народу. Малянов узнал "кое-кого из соседей, но были и незнакомые, и все они концентрировались около распахнутой настежь квартиры Снегового. Были там среди прочих майор милиции, сержант милиции, двое в штатском, врач в белом халате и дворничиха...

- Что случилось? - спросил Малянов давешнего старикашку из квартиры снизу.

- Смерть случилась, дорогой мой, - торжественно и печально произнес старикашка. - Смерть, голубчик... Беда-то какая, а?

- Кто?.. С кем?

- Снегового, Арнольда Павловича, знали вы? Из одиннадцатой квартиры...

- Ну?!

- Умер. Все. Ушел из жизни.

- Не... не может быть... - пролепетал Малянов, холодея.

- Увы. Уже и вынесли. Все. Финита ля комедия.

- Да что случилось?

Старикашка приблизил горбатый нос к маляновскому уху и прошептал:

- Застрелился он этой ночью. Вот сюда пулю послал... - он постучал себя по виску. - И ни записки, ничего...

Малянов дико глянул на него и, оскользаясь в домашних шлепанцах, ссыпался по ступенькам. Внизу, в маленьком вестибюле, опять же толклись люди. Здесь был попухий мальчишечка-шофер - он силился отворить вторую половинку двери в подъезде. Еще один сержант милиции. Какие-то вовсе бездельные, глазающие люди и два санитара, держащие на весу носилки с длинным громоздким телом, укрытым простыней...

Пока давались со всех сторон советы, пока ковыряли дверь, пока со скрипом распахивали ее, Малянов стоял столбом, глядя на белое, длинное, мертвое... Он не в силах был ни уйти, ни подойти ближе.

Потом дверь распахнулась, носилки понесли, и только тогда Малянов протолкался к ним и пошел рядом. И вдруг он увидел глаз. Простыня была продрана, и сквозь дыру смотрел на Малянова широко открытый мертвый и потому совсем незнакомый глаз...

Вернувшись домой, Малянов сразу бросился к телефону, набрал номер и долго слушал длинные гудки. Потом пробормотал: "Ну да, у него же лекции с утра..." и положил трубку. Он все еще не мог прийти в себя. Все еще стоял у него перед глазами огромный страшный Снеговой - как он выволакивает из кармана пижамы и засовывает в стол черный тусклый пистолет... И звучал мрачный голос: "Не имею права..." И мертвый глаз сквозь дыру в простыне смотрел на Малянова, словно с того света...

Малянова передернуло. "Жуть-то какая, господи!.. И глупо же, глупо!" Он бормотал эти слова, не замечая собственного бормотания, а сам снова и снова набирал телефон Вечеровского, уже забыв, что тот с утра на лекции. Телефон вел себя странно - то было занято, то шли бесконечные длинные гудки.

Потом он швырнул трубку и помчался к дверям детской. Постучал. Никакого ответа. Потряс дверь. То же самое. Заглянул внутрь. Все очень чисто, все прибрано и... пусто. Ничего и никого. И исчез громоздкий чемодан, занимавший весь передний угол, где игрушки.

В полном ошарашивании Малянов прошел по квартире, заглядывая во все углы. Ничего и ничего. И все прибрано, вычищено, вылизано - ни пылинки в доме. И только в ванной на бельевой веревочке сиротливо покачивались на сквознячке розовый лифчик и розовые же трусики.

- Нет, отцы, это чушь какая-то, - громко сказал Малянов.

Медленно, шаркая ступнями по полу, он вернулся в свой кабинет, присел было за стол, но тут же сорвался в прихожую, схватил с вешалки пиджак, обшарил карманы, вытащил бумажник, несколько скомканных кредиток, оглядел все это со стыдливым изумлением и сунул обратно.

- Все равно, - сказал он громко. - Тут что-то не то. Что-то тут, отцы мои, не получается...

Он вернулся в кабинет, снова набрал номер Вечеровского, снова оказалось занято Он бросил трубку, рассеянно взял несколько листочков из

папки, пробежал их глазами, нашарил в столе фломастер и старательно вычеркнул из рукописи очередное "легко видеть, что..."

И в этот момент в кухне звякнула ложечка.

Малянов вздрогнул и уронил листки.

В кухне кто-то был. Кто-то двигался там - шаркнули подошвы, снова брякнул металл о стекло, чиркнула спичка... Малянов слез с края стола и осторожно двинулся в направлении кухни.

Там спиной к Малянову стоял теперь низкорослый странный человек. Он колдовал с чайником над газовой плитой и, когда повернулся к Малянову, в одной руке держал заварочный чайник, в другой - распечатанную пачку чая.

Это был огненно-рыжий горбун в душном черном костюме. Сорочка под пиджаком у него была тоже черная, а галстук белый. И лицо - белое, длинное, а борода клином, рыжая и ухоженная.

Малянов только рот раскрыл, чтобы рывкнуть: "Кто вы такой, черт вас побери совсем!", как горбун быстро заговорил:

- Здравствуйте, Дмитрий Алексеевич. Меня зовут Губарь, Захар Захарович Губарь... Нет-нет, меня не Лидия сюда к вам пустила, нет, ее уж не было здесь... Я сам зашел, ибо дверь была настежь... Нет-нет, это вам показалось только, что кухня пуста, я вот тут стоял, видите? А вы заглянули и сразу же ушли. Вот я и решил, куда вы звоните Филиппу Павловичу, дай-ка я чайку заварю... Но Снеговой, а? Какой кошмар! Тут уж поневоле голова кругом пойдет и всякое начнет мерещиться... Но нельзя, нельзя, Дмитрий Алексеевич! Нельзя! Поддаваться никак нельзя, крепиться надо, держаться... Да вы садитесь, садитесь, я уж у вас тут успел разобраться, где что, к вас обслужу по первому разряду, и себя не забуду, правильно?..

Он говорил быстро, весело, но в то же время как бы и с приличествующей печалью, он отвечал на незаданные вопросы Малянова и упреждал его инстинктивные действия. И стоило Малянову подумать (с некоторым испугом): "Губарь?.. Это ведь Снеговой что-то там говорил о Губаре...", как горбун уже подхватывал:

- Губарь, Губарь моя фамилия. И Снеговой вас имение обо мне спрашивал, мы с ним были знакомы... познакомились в свое время...

Какая-то неприятно угрожающая интонация прорвалась у горбуна в последней фразе, но он тут же спохватился:

- А вот и чаек! Прошу вас, Дмитрий Алексеевич. Сейчас, сейчас я все вам расскажу, зачем я у вас оказался, и почему, и с какой целью... Тогда вы сами убедитесь, Дмитрий Алексеевич, насколько все это серьезно и важно...

Малянов молча принял свою любимую чашку - большую цветастую - и отпил из нее. Ему по-прежнему не удавалось вставить ни одного слова, но ответы на большинство своих вопросов он уже получил.

- Знаю, Дмитрий Алексеевич, - продолжал между тем горбун, орудуя чайником, - сам знаю - странно. Все странно. И мое появление тут странно, и мое поведение, и сами слова, коими я ваши вопросы заглушаю. Однако же - терпение. Терпение, Дмитрий Алексеевич, и скоро все разъяснится. Ситуация складывается не совсем обычная, вот почему так странно все и необычно...

В паузах горбун не забывал отхлебнуть чайку. Он и чай даже пил не как все. Редко кто пьет сейчас чай так - из блюдца, поставив его на растопыренные пальцы, с шумом и подсасыванием, через кусочек рафинада.

- Нам с вами надобно разрешить всего лишь одну проблему. Дмитрий Алексеевич, но проблема эта... как бы это выразиться... мучительная проблема, Дмитрий Алексеевич. И для меня мучительная, и в особенности для вас... А для начала позвольте вопросик, всего один: над чем вы сейчас работаете?

Вопрос этот показался Малянову не менее странным и неуместным, чем все прочее. Он представить себе не мог, что, собственно, понадобилось этому удивительному горбуну в его, Малянова, доме. Скорее всего, что-то связанное с исчезновением Лидочки, но, может быть, и не с этим... может быть, с кончиной Снегового... В самом деле, не маляновская же работа привела его сюда!

- Над чем работаю? - повторил Малянов, растерявшись. - Что-то последнее время все интересуются, над чем - я работаю...

- А кто еще? - сейчас же спросил горбун. - Кто еще интересовался?

Он сидел напротив Малянова, далеко отведя в сторону руку с растопыренными пальцами, на которых картинно дымились блюдце с чаем, и смотрел пристально и недобро, как смотрят на противника, а не просто собеседника.

Впрочем, выражение лица его тут же переменялось на приятное.

- Ну да, ну да! - проворковал он, заговорщически подмигивая. - Снеговой же и спрашивал... Естественно! Что ему оставалось делать? Никак он не мог поверить, что все это - никак не случайное совпадение...

- Что "не случайное совпадение"? - спросил Малянов резко. - О чем это вы все время говорите?

Торжество и неприязнь почудились ему в голосе горбуна, и он вдруг почувствовал приступ страха. Пусть пока еще необоснованного. Инстинктивного. И как всегда в такие минуты, голос его слегка сел и захотелось откашляться. Он откашлялся.

- Да все - не случайное совпадение, - небрежно сказал горбун, вновь принимаясь отхлебывать и причмокивать. - Неужели же и вы, Дмитрий Алексеевич, ученый, интеллигент, неужели же и вы считаете, что все это случайные совпадения? И что вам директорство предложили, филиал... в прошлом году и кандидатуру вашу обсуждать не стали, а в этом - бац! - без всякого обсуждения взяли и предложили? И что телефонные звонки вам жить не дают? И омаров вам на дом поставляют... и женщин... Причем очень недурных женщин, согласитесь!..

Страшная и отвратительная мысль поразила Малянова, но горбун снова не дал ему раскрыть рта.

- Нет, нет и нет! - очень громко и очень напористо вскричал он. - Ни в коем случае! И думать не можете, Дмитрий Алексеевич! Вы же и сами должны понимать, что это смехотворно. Ну какой же я агент иностранной разведки? Ну сами же посудите: агент должен быть человек тихий, скромный, малоприметный... А я? Да на меня же любая лошадь на улице оборачивается! Каждый, можно сказать, верблюд! Нет, нет и нет!.. Да вы ведь и тайн-то никаких не знаете. Может быть, вы думаете, что нам неизвестно, над чем вы сейчас работаете? Да прекрасно известно! Вы же в прошлом году на семинаре сообщение делали, а в феврале догадались, что надо преобразования Гартвига применить, вот у вас дело сразу и сдвинулось с мертвой точки, пошло как по маслу... Я ведь вам вопрос о работе только потому задал, что проблема у нас с вами, повторяю, мучительная... Ее не то что решить - даже и подойти-то к ней трудно. Надо же было мне как-то завязывать разговор, вот я и начал с вашей работы - для плавности, так сказать...

- Ну вот что... - начал было Малянов и даже поднялся почти, упираясь кулаками в столешницу, но горбун вдруг сказал ему: "Сядьте!" - да так жестко, что Малянов сразу же сел.

- Давайте без истерик! - продолжал горбун все так же жестко и без всякого уже ерничества в голосе. - Никакой измены Родине от вас не потребуется. Выкиньте этот бред из головы. Речь будет идти только о вас и о вашей работе. Больше ни о чем. Никаких государственных и военных тайн, никаких подписок, ничего подобного. Все дело в вашей работе, точнее, в вашей последней статье, еще точнее - в вашей теореме о макроскопической устойчивости. Нам это мешает, и мы самым убедительным образом просим вас дальнейшие размышления в этом направлении прекратить. Самым убедительнейшим образом, Дмитрий Алексеевич! - он постучал ногтем указательного пальца по крышке стола для вящей убедительности, что ли, и продолжал все так же жестко, словно гвозди вонзал: - К сожалению, скрытыми средствами отвлечения вас остановить не удалось. Администратором вы статью не пожелали, даже крупным. Обыкновенные житейские помехи на вас не действуют. Женщина вас по-настоящему ни отвлечет, ни увлечет не в состоянии. Даже смерть Снегового... - горбун резко и словно бы с отвращением отодвинул от себя блюдце с недопитым чаем. - Даже смерть Снегового, к сожалению... - он снова не закончил фразы. - Впрочем, об этом у вас еще будет время подумать... Сейчас вы должны ясно понять следующее. Ваша работа нам мешает. Следовательно, она вредна. Следовательно, ее надлежит прекратить. Следовательно, она и будет прекращена. Настоятельно советую вам проявить благоразумие, Дмитрий Алексеевич!

Малянов слушал все это, холодея. Неправдоподобность и даже иррациональность происходящего возбудила в нем животный страх, какой у

нормального добропорядочного человека бывает разве что в тяжелом душном кошмаре. И, как в кошмаре, он испытывал дурное оцепенение, язык не слушался его и руки-ноги тоже.

А горбун - опять же ни с того ни с сего, словно его переключили на другую программу, - вдруг засуетился, замельтешил почти угодливо.

- А как насчет еще чайку? А? Свеженького? Понятно! Айн момент! - и он мигом принялся за дело, вновь и вновь опережая Малянова в вопросах и движениях. - Кто такие "мы", чтобы требовать от вас чего-то, советовать, угрожать и так далее? Какое мы на то имеем право и откуда у нас на это власть? Резонно, резонно, но вы уж поверьте мне, Дмитрий Алексеевич, есть у нас и такое право, и такая власть... Ах, почему не живем мы с вами в благословенном девятнадцатом веке! Представился бы я вам генералом какого-нибудь таинственного ордена или жрецом Союза Девяти... Слыхали про Союз Девяти? Он учрежден был в незапамятные времена легендарным индийским царем Ашокою и существует до сих пор. Чудесно, тайно, авторитетно... Девять почти бессмертных старцев пристально следят за развитием науки на Земле, следят, чтобы слепая жажда познания не привела людей к преждевременной кончине человечества. Вы же знаете, какие бывают ученые: все ему трин-трава, лишь бы узнать, возможна какая-нибудь там цепная реакция или нет. Потом он узнает, конечно, что реакция, да, возможна, но уже поздно! Вот Союз Девяти и следит за порядком в этой области. Если кто-то вырвется слишком далеко вперед, опасно вырвется, не вовремя, вот тут-то и принимаются надлежащие меры! А иначе нельзя, Дмитрий Алексеевич. Никак нельзя! Знаете, что было бы, если бы Эйнштейну удалось построить единую теорию поля? Ведь там, в этой теории, есть такие нюансики... Бац! - и тишина. Надолго!

- Так вы что, жрец Союза Девяти? - спросил Малянов, с усмешкой принимая новую чашку чая.

Горбун замер в неудобной позе. Глаза его торопливо забегали по Малянову, лицо неприятно перекошилось, словно он забыл контролировать свою мимику.

- Не похоже, верно? - проговорил он наконец. - Чушь какая-то получается... Но ведь мы же с вами не в благословенном девятнадцатом. У нас на дворе - конец двадцатого. Электричество вот, газ, на мысу атомный опреснитель строят... Какие уж тут могут быть жрецы?

- Что вам от меня надо, вот чего я никак не могу понять, - сказал Малянов почти благодушно. - Если вы жулик, то...

- Стоп-стоп-стоп! - запротестовал горбун. - Мне от вас вот что надо: а - чтобы вы поняли свое положение, и бэ - чтобы при этом не свихнулись, не принялись бы драться или - упаси бог! - палить себе в висок из казенного пистолета... Понимаете? Чтобы вы все осознали, повели бы себя правильно и чтобы все было тихо-мирно, по-семейному. Вот что мне надо. Я вам специально передышку даю, психологическую, когда рассказываю про Союз Девяти. Бог с ним, с союзом этим, не до него нам сейчас...

- Ну а если я сейчас сюда милицию вызову? Приедет ПМГ...

- Да бросьте вы, в самом деле, милицией пугать, Дмитрий Алексеевич! Что это, в самом деле, за манера: чуть что - сразу милиция, ПМГ... Вы лучше судьбу Глухова вспомните!

- Какого Глухова?

- Да Владлен Семеныча.

- Не знаю я никакой судьбы Глухова...

- Ну тогда Снегового вспомните, Арнольд Палыча. Вспомните ваш с ним последний разговор... вспомните, какой он был, наш Арнольд Палыч... Между прочим, очень, очень твердый человек оказался. Иногда просто вредно быть таким твердым, честное слово... И куда он только ни обращался - и в милицию, и по начальству... Да только кто же ему поверит, посудите сами?

Тогда Малянов вытянул губы дудкой, поднялся с демонстративной неторопливостью и, повернувшись спиной, направился к телефону. Горбун продолжал говорить ему вслед, все повышая голос и все быстрее выстреливая слова:

- ...Вот и осталось ему одно, бедолаге, - пулю в висок. А куда деваться? Куда? Показания его - бред. А, так сказать, обвиняемый, то есть лично я, сегодня здесь, а завтра...

Он вдруг замолчал, словно его выключили. Малянов обернулся. Кухня была пуста. На столе оставался обсосанный кусочек сахара, блюдце с чаем, чашка... И все. И тишина. Особенная, тяжелая, ватная тишина, какая бывает в болезненном бреду.

И вдруг свет в кухне померк, будто облако закрыло солнце. Но небо за окном было по-прежнему чистое, знойное, белесое. И, однако, что-то там тоже было не в порядке: там, на улице, пронесся вдруг желтый пыльный вихрь, хлопнуло где-то окно, стекла зазвенели разлетаясь и раздались какие-то крики - не то отчаянные, не то радостные. И вдруг завyla собака. И другая. И еще...

Малянов, лунатически переступая, вышел на балкон, огляделся (никого на балконе, разумеется, не было), поднял глаза к небу.

Начиналось затмение.

Некоторое время Малянов следил равнодушно, как черный диск наползает на солнце, как бегают и прыгают ребятишки на улице, размахивая закопченными стеклами, как мечутся собаки... Потом вернулся на кухню, налил в стакан воды из-под крана, жадно вылил, залив себе грудь и живот. Резко повернулся: горбун сидел на прежнем месте, улыбался - почему-то грустно - и наливал чай из чашки в блюдце.

- Сегодня я здесь, а завтра... А завтра меня здесь нет, - проговорил он. - И никакая милиция меня не найдет. Так что давайте уж лучше без милиции, Дмитрий Алексеевич...

- Кто вы? - хрипло спросил Малянов.

- Меня зовут Губарь Захар Захарович, - с готовностью представился горбун еще раз. - Но я понимаю, вы не об этом меня спрашиваете... Кто мы? Это трудный вопрос, вот в чем дело. Давайте не будем его обсуждать. Поверьте, это совершенно неважно, кто мы. Важно, что мы - сила, неодолимая сила, или, как говорят на флоте, форсмажорная сила. Преодолеть нас вы не сможете, вот что важно. Вы либо подчинитесь, либо погибнете - вот и весь ваш выбор, вот это, Дмитрий Алексеевич, вам действительно важно понять. А кто мы? В девятнадцатом веке мы называли бы себя Союзом Десяти, в средние века я был бы Мефистофелем, а нынче... Ну, разумеется, вы считаете меня ловким иллюзионистом, гипнотизером, хотя и сами в это не верите... Нет-нет, я не умею читать мысли, успокойтесь, я только умею их вычислять... Поймите, я не жулик и не шпион, я не гипнотизер и не фокусник...

- Пришелец с другой планеты... - хрипло сказал Малянов и откашлялся.

Горбун вскинул на него глаза - веселые, с сумасшедшинкой.

- Вы это сказали!

- Чушь, вздор...

- Не такая уж и чушь, голубчик! Не такой уж и вздор! Пришелец с другой планеты, представитель сверхмощной внеземной цивилизации - это такая же информационная реальность двадцатого века, как Мефистофель пятнадцатого или какие-нибудь туги-душители девятнадцатого... Не отмахивайтесь с пренебрежением! Подумайте! Ведь вам же легче станет, проще, понятнее... Сопоставьте факты. Ваша работа обещает в далеком будущем могучий рывок для всей земной цивилизации. А нашей цивилизации совсем не нужен соперник в Галактике, зачем нам соперник? И поэтому мы этот рывок уничтожаем самым безболезненным способом, еще в зародыше - работу вашу останавливаем и прекр...

- Убирайтесь, - сказал Малянов негромко. - Убирайтесь вон!

- Дмитрий Алексеевич! Подумайте хорошенько.

- Пошел вон, сволочь! Работу тебе мою? Вот тебе - мою работу! - Малянов привстал на стуле и сделал малопрстойный жест. - Я ее вам не отдам. Я ее доведу до конца. Понял? Она моя. Я эту идею двенадцать лет вынашиваю, она меня измучила. Пошел вон отсюда! Ничего не получишь, пришелец ты или жулик... Мне все равно... Работу ему мою!..

Он замолчал и принялся глупо глотать остывший чай. Молчал и горбун. А в кухне становилось все темнее, я выли за окном собаки.

Потом зазвонили в дверь. Малянов поднялся было, но приостановился и поглядел на горбуна. Тот покивал.

- Давайте-давайте. Это к вам.

Малянов все смотрел на него. В дверь позвонили снова.

- Открывайте-открывайте, - сказал горбун. - Не мытьем так катаньем, Дмитрий Алексеевич. У нас, знаете ли, тоже выхода нет. Приходится

пользоваться самыми разными средствами...

Тогда Малянов осторожно снял с гвоздя шипастый тяжелый молоток для отбивания мяса, демонстративно взвесил его в руке и неспешно двинулся через прихожую к входной двери.

За порогом, на площадке, стоял мальчик лет семи. На мальчике были трогательные короткие штанишки с двумя ляпочками через плечи и с поперечной ляпочкой на груди - так одевали обеспеченных мальчиков в тридцатые - сороковые годы, и вообще он производил впечатление ребенка из тех времен, а короткая стрижка с челочкой еще и усиливала это впечатление.

Больше на лестничной площадке никого не было. Мальчик стоял один - хмурый, насупленный, руки за спиной.

- Тебе кого надо? - спросил Малянов, не зная, куда теперь девать шипастый молоток.

- Я к тебе, - ясным голосом ответил мальчик. - Я теперь буду у тебя жить.

- Что еще за глупости, - сказал Малянов сурово. - Кто это тебя, интересно, подучил?

- Ай! - вскрикнул вдруг мальчик, отступая на шаг и заслоняясь ладонями и локтями. Он глядел мимо Малянова, за спину ему, в коридор, и Малянов сейчас же обернулся, заранее отводя молоток для удара.

Но в коридоре никого не оказалось, а мальчишка, довольно гадко хихикнул, прошмыгнул мимо Малянова и по-хозяйски пошел по квартире, отворяя все двери и заглядывая во все комнаты. Ошеломленный Малянов следовал за ним как привязанный.

- Это детская, ясно... - говорил мальчик, подшмыгивая носом. - Твоего Петьки комната? Ничего себе комнатка - светлая, квадратная... Ага. Это у тебя санузел. А почему ванна грязная? Ванну надо мыть - и до, и после... И полотенца небось месяц не стираны... Кухня. Ясненько... - в кухне мальчик чуть задержался, искоса поглядел на стол (пустое блюдо, обсосанный кусочек сахара, чашка, а горбуна, разумеется, и в помине нет), но ничего не сказал, проследовал на балкон. - Здесь что? Ага, здесь затмение... Хорошо. И балкон у тебя хороший, только бутылки надо вовремя сдавать... - он вернулся в кухню и снова задержался у стола. - А этот... Ушел, что ли? Давно?

Малянов обрел наконец дар речи:

- Послушай-ка, - сказал он. - Кто тебя подослал?

- А в общем-то, ушел - и слава богу, - сказал мальчик, не обращая внимания на вопрос. - Главное, что его тут нет. И воздух чище. Ты знаешь, ты с ним лучше не связывайся Ты вообще с ними не связывайся...

- С кем?!

- Тебе-то, может, и ничего не будет, а вот меня они не пожалеют...

Тут Малянов поймал его за плечи и, усевшись, поставил у себя между колен.

- А ну, давай рассказывай все, что знаешь!

Но мальчик вывернулся. Он не хотел стоять (по-сыновьи) между маляновских колен.

- А я еще меньше твоего знаю, - сказал он небрежно. - Да тут и знать-то нечего. Сказано тебе: прекрати, вот и прекращай. А то грамотные все очень стали, рассуждают все: что да как... А тут, знаешь, рассуждать нечего. Тут - закон джунглей. Или ты ложись на спинку и лапки вверх, или... это... не жалуйся.

Малянов поднялся.

- Пойдешь со мной, - объявил он.

- Куда это?

- Пошли, - сказал Малянов, беря мальчика за плечо.

Мальчик послушно позволил вывести себя в прихожую, подождал, пока Малянов отворит наружную дверь, и тут вдруг словно взорвался.

Он мигом вскарабкался по Малянову, как кот по столбу, и принялся лупить его коленками, кулаками, локтями, драл его ногтями и все норовил прихватить зубами щеку или ухо. При этом он орал. Он ужасно орал, выл и верещал, как истязуемый:

- Ой, дяденька, не надо! Ой, больно! Ой, я больше не буду! Дяденька! Не надо! Это не я! Это не я! Не бей меня, я больше не буду!..

Малянов шарахнулся, пытаясь отодрать от себя этого маленького дьявола, но тщетно. Мальчишка дрался и орал как оглашенный, а по всей

лестнице уже захлопали двери, зашаркали шаги.

- Что там такое?... - раздавались голоса. - Что случилось? У кого это? Кажется, ребенок...

Малянов ввалился обратно в квартиру, и мальчишка тут же очень ловко ногой захлопнул входную дверь. Потом он отпустил Малянова, легко соскользнул на пол, шмыгнул носом.

- Вот так-то лучше, - сказал он как ни в чем не бывало. - А то выдумал - милицию в это дело впутывать. Это же дело деликатное, неужели до сих пор не ясно? Посадят тебя в психушку - и все дела. Не балуй, дядя!

И он не спеша, руки в карманы, проследовал в маляновский кабинет. Огляделся там. Подошел к столу, вскарабкался в маляновское рабочее кресло, небрежно перебрал несколько листов.

- Все истину ищешь... - пробормотал он осуждающе. - Гармонию!.. Не подпирай стенку, сядь. Придется мне вогнать тебе уму в задние ворота... Это кто? - он выкопал из бумаг фотографию мальчика под стеклом на подставочке. - А, Петька... Сын, стало быть. Вот ты гармонию ищешь, - обратился он к Малянову проникновенно, - а понимаешь ли ты, что вот сына твоего не тронут, это, видите ли, дешевый прием, запрещенный, видите ли... Тебя самого, скорее всего, тоже не станут уничтожать, хотя это вопрос более сложный... А вот со мной церемониться не будут!

- Почему? - спросил очень маленький и очень тихий Малянов, сидящий на краешке тахты у двери.

- А чего со мной церемониться? Кто я такой, чтобы со мной церемониться? Нет, со мной церемониться не будут, не надейся! Ты будешь искать здесь вечную гармонию, весь такой погруженный в мир познания, а меня тем временем... - он не закончил, сполз с кресла и пошел наискосок через комнату к книжным полкам. - А меня тем временем за это, то есть за искания твои, истины... Вот! - он перелистнул том Достоевского: - "Да не стоит она (то есть твоя гармония, дяденька) слезинки хотя бы одного только того замученного ребенка!" Помнишь, откуда? "Братья Карамазовы". Это Иван говорит Алеше. "И если страдания детей пошли на пополнение той суммы страданий, которая необходима была для покупки истины, то я утверждаю заранее, что вся истина не стоит такой цены". Вот сказал так сказал! На сто лет вперед сказал! А может, и на двести? Ведь слова-то никогда и ничего не решали... - он захлопнул книгу и вдруг попросил: - Кушать хочу! Кушинькать!..

Он сидел на кухне на толстом справочнике, подложенном под него на табуретку, уплетал ложкой яичницу из сковородки и продолжал уговаривать Малянова:

- А ты брось, в самом деле. Брось, и все. Не ты первый, не ты последний... Главное, было бы из-за чего спорить! Я ведь посмотрел, что там у тебя, - закорючки какие-то, циферки, ну кому это надо, сам посуди! Кому от них легче станет, чья слеза высохнет, чья улыбка расцветет?..

- Нет, старик, ты не понимаешь... - проникновенно втолковывал в ответ Малянов. Он основательно хватил из фигурной бутылки с ликером, и настроение его теперь менялось в очень широком диапазоне. - Во-первых, глупости, что это никому не надо. Тогда и Галилеевы упражнения с маятниками, они тоже никому были не нужны? Или там про вращение Земли - кому какое дело, вертится она или не вертится? Да и не в этом же дело! Не могу! Не могу я это бросить, паря! Это же моя жизнь, без этого я ничто... Ну откажусь я, ну забуду - и чем же я тогда стану заниматься? Жить для чего? И вообще - что делать? Марки собирать? Подчиненных на ковре распекать? Ты способен понять, какая это тоска, вундеркинд ты с лямочкамн? И потом - никакая сволочь не имеет права вмешиваться в мою работу!..

- Галилей ты задрипанный! - убеждал мальчик. - Ну что ты строишь из себя Джордано Бруно? Не тебе же гореть на костре - мне! Как ты после этого жить будешь со своими макроскопическими неустойчивостями? Ты об этом подумал? Без работы он, видите ля, жить не сможет...

- Да вранье все это. Запугали они тебя, паря! Ты мне только скажи, кто они такие...

- Дурак! Ой, дурак какой!

- Не смей взрослого называть...

- Да поди ты! Сейчас не до церемоний! Вот подожди... - мальчик снова

раскрыл том Достоевского и прочитал с выражением: - "Скажи мне сам прямо, я зову тебя - отвечай: представь, что это ты сам возводишь здание судьбы человеческой с целью в финале осчастливить людей, дать им наконец мир и покой, но для этого необходимо и неминуемо предстояло бы замучить всего лишь одно только крохотное созданище, вот того самого ребеночка... м-м-м... и на его слезках основать это здание, согласился ли бы ты быть архитектором на этих условиях..." А? Согласился бы?

Малянов слушал его, полуоткрыв рот. Мальчишка читал плохо, по-детски, но смысловые ударения ставил правильно. Он понимал все, что читает. И когда мальчик кончил, Малянов замотал щеками, словно силясь прийти в себя, и пробормотал:

- Бред, бред... Ну и ну!

- Ты не нунукай! - наступал мальчик. - Ты отвечай, согласился бы или нет?

- Как тебя зовут, странное дитя?

- Не отвлекайся! Да или нет?

- Ну нет! Нет, нет, конечно.

- О! Все говорят нет, а посмотри, что кругом творится! Крохотные созданища мрут, как подопытные мухи, как дрозофилы какие-нибудь, а вокруг все твердят: нет! ни в коем случае! лети - цветы жизни!.. - он вдруг широко зевнул. - Спятиньки хочу. А ты думай. И не будь равнодушным ослом. Я ведь знаю, ты детей любишь. А начнешь себя убеждать да накачивать: дело прежде всего! потомки нас не простят!.. Ты же понимаешь, что ты не Галилей. В историю тебя все равно не включают. Ты - человек средненький. Просто повезло тебе с этими полостями устойчивости - додумался раньше прочих... Но ведь ты человек вполне честный? Зачем тебе совесть-то марать, ради чего?.. - он снова зевнул. - Ой, спятиньки хочу. Спатки!

Он протянул к Малянову руки, вскарабкался ему на колени и положил голову на грудь. Глаза у него тут же закрылись, а рот приоткрылся. Он уже спал.

Некоторое время Малянов тихо сидел, держа его на руках. Он и в самом деле любил детишек и ужасно скучал по сыну. Потом все-таки поднялся, осторожно уложил мальчика на тахту в кабинете, а сам взялся за телефон.

- Вечеровский? Фил, я зайду к тебе. Можно?

- Когда? - спросил Вечеровский, помолчав.

- Немедленно.

- Я не один.

- Женщина?

- Нет... один знакомый.

У Малянова вдруг широко раскрылись глаза.

- Горбун? - спросил он понизив голос. - Рыжий?

Вечеровский хмыкнул.

- Да нет. Он скорее лысый, чем рыжий. Это Глухов. Ты его знаешь.

- Ах, Глухов? Прелестно! Не отпускай его! Пусть-ка он нам кое-что расскажет. Я иду! Не отпускай его. Жди.

Малянов подкатил на своем старинном велосипеде к высокому антисейсмическому дому, окруженному зеленым палисадником, соскочил у подъезда и принялся привычным движением заводить велосипед в щель между стеной и роскошной белой "тридцать второй" "Волгой" (с белыми "мишленовскими" шинами на магниевых литых дисках).

Пока он этим занимался, дверь подъезда растворилась и из дома вышел давешний лопоухий шофер, который возил только вчера Снегового. Выйдя, он оглянулся по сторонам как бы небрежно, но небрежность эта была явно показной. Шофер чувствовал себя не в своей тарелке и сильно вздрогнул, даже как-то дернулся, словно собирался броситься наутек, когда из-за угла вывернула и протарахтела мимо какая-то безобидная малолитражка. Малянова и появление шофера, и поведение его несколько удивили, но ему было не до того, и когда шофер, торопливо усевшись в кабину своего газика, уехал, Малянов тут же забыл о нем.

Он вошел в подъезд и нажал кнопку квартиры 22.

- Да? - отозвался хриловатый радиоголос.

- Это я, - сказал Малянов, и дверь перед ним распахнулась.

Он медленно пошел по лестнице на четвертый этаж. Он ступал тяжело, тяжело сопел, и лицо его стало тяжелым и мрачным. Лестница была пуста и чиста - до блеска, до невозможности. Сверкали хромированные перила, сверкали ряды металлических заклепок на обитых коричневой кожей дверях - Вечеровский жил в каком-то образцово-показательном доме, где все было "по классу "А".

У Вечеровского и квартира образцово-показательная, где все было "по классу "А". Изящная люстра мелкого хрусталя, строгая финская стенка, блеклый вьетнамский ковер, несомненно, ручной работы, круглый подсвеченный аквариум с величественно неподвижными скаляриями, ультрасовременная Хай-фай-аппаратура, тугие пачки пластинок, блоки компакт-кассет... В углу гостиной - черный журнальный столик, в центре его - деревянная чаша с множеством курительных трубок самой разной величины и формы.

Хозяин в безукоризненном замшевом домашнем костюме (белая сорочка с галстуком! дома!!!) помещался в глубоком ушастом кресле. В зубах - хорошо уравновешенный "бриар", в руках - блюдечко и чашечка с дымящимся кофе. Все дьявольски элегантно. Антикварный кофейник на лакированном подносе. И по чашечке кофе (чашечки - тончайшего фарфора) - перед каждым из гостей.

По левую руку от Вечеровского прилепился в роскошном кресле Глухов, совсем не роскошный маленький человечек, лысоватый, очкастенький, в рубашечке-безрукавочке, в подтяжках, с брюшком. Бледные волосатые ручки сложены и засунуты между колен. Все внимание направлено на Малянова.

Малянов - особенно крупный, потный и взлохмаченный сейчас, среди всей этой невообразимой элегантности, - закончил свой рассказ словами:

- ...Я лично считаю, что все это - ловкое жульничество. Но не понимаю, зачем и кому это нужно. Потому что на самом деле... на самом деле! Ну что с меня взять? Ну кандидат, ну старший научный сотрудник... Ну и что? Сто рублей на сберкнижке, восемьсот рублей долгу...

Он энергично пожал плечами и, помотав щеками, откинулся в кресле. При атом задел ногой столик, чашечка его подпрыгнула в блюдце и опрокинулась.

- Пardon... - проворчал Малянов рассеянно.

- Еще кофе? - сейчас же осведомился Вечеровский.

- Нет. А впрочем, налей...

Вечеровский принялся осторожно, словно божественную амброзию, разливать кофе по чашечкам, а Глухов глубоко вздохнул и забормотал как бы про себя:

- Да-да-да... Удивительно, удивительно... И ведь в самом деле, не пожалуешься, не обратишься... никто не поверит. Да и как тут поверить?

- Ты полагаешь, - сказал Вечеровский Малянову, - что твоя работа действительно тянет на Нобелевскую премию?

- А черт его знает, на самом деле. Как я могу судить? Что я тебе - Нобелевский комитет? Классная работа. Экстра-класс. Люкс. Это я гарантирую. Но мне же ее еще надо докончить! Они ведь мне ее докончить не дают!..

- Да-да-да... - снова заторопился Глухов. - Да! Но ведь с другой-то сторона... Вы только вдумайтесь, друзья мои, представьте это себе отчетливо... Дмитрий Алексеевич! Кофе какой - прелесть! Сигаретка, дымок голубоватый, вечер за окном - прозрачность, зелень, небо... Аж, Дмитрий Алексеевич, ну что вам эти макроскопические неустойчивости, все эти диффузные газы, сингулярности... Неужели это настолько уж важно, что из-за этого следует... Ну, вот, например, возьмем звезды. Право же, есть что-то в этой вашей астрономии... что-то такое... непристойное, что ли, подглядывание какое-то... А зачем?? Звезды ведь не для того, чтобы подглядывать за ними, за их жизнью... Звезды ведь для того, чтобы ими любоваться, согласитесь...

Он не спорил, не настаивал, этот маленький тихий Глухов, он, скорее уж, уговаривал, просил, умолял даже каждой черточкой своего невыразительного серого личика. Но на Малянова эта его речь подействовала почему-то раздражающе, и он, не думая, брякнул:

- А ведь он и вас упоминал, Владлен Семенович!

- Кто?

- Горбун. Рыжий этот, бандит-пришелец.

- Меня?

- Вот именно, вас. "Вспомните, - говорит, - что случилось с Глуховым!.." - тут Малянов осекся, потому что Глухов побелел, даже позеленел как-то и совсем задвинулся в глубину огромного кресла. Никогда еще Малянов не видел до такой степени испуганного человека.

- А что со мной случилось? - пробормотал Глухов затравленно. - Со мной все в порядке. Ничего со мной не случилось.. и не случилось...

Вечеровский, не глядя, протянул руку вправо, извлек из скрытого холодильника сифон и высокий стакан. Зашипела струя, стакан очутился перед Глуховым, но тот пить не стал, даже в руки его не взял и посмотрел на него, как будто это отравка какая-то. Он только облизнул сухие губы сухим языком и еще глубже засунул слабые свои папки между колен.

- Это все вздор.. Это вздор какой-то, Алексей Дмитр... Дмитрий Алексеевич, - шелестел он. - Вы не верьте. Как можно верить?.. Явные жулики...

Малянов смотрел на него пристально.

- Если это жулики, надо их вывести на чистую воду, так? - спросил он свирепо.

- Конечно, конечно Но как?

- Для начала каждый должен рассказать все, что знает про них.

- Безусловно, разумеется... - Глухов снова облизнулся. - Но ведь я... Вы, кажется, решили, будто я что-то знаю про них. Но ведь я ничего не знаю, уверяю вас.

- Ничего?

- Право же, ничего... Тут какая-то ошибка...

- Так-таки и ничего? - продолжал наседать Малянов, значительно прищуриваясь.

- Ни-че-го! - неожиданно твердо отчеканил Глухов. Словно точку поставил на этой теме.

Глухов выпростал руки из колен, проглотил свой кофе и сейчас же запил водой из стакана. На лице его вновь обозначился румянец. Он улыбнулся и, неумело изображая развязность, вольготно расположился в кресле, засунув большие пальцы рук под подтяжки.

Малянов ел его глазами, но Глухова все эти взгляды вроде бы и не волновали вовсе - он, казалось, совершенно оправился от своего неодолимого страха и держал теперь себя как ни в чем не бывало.

- Но сами-то вы верите, что это жулики? - спросил наконец Малянов.

- А представления не имею, - ответил Глухов все с той же судорожной развязностью. - Откуда же мне это знать, посудите сами, Дмитрий Алексеевич?

- Ну а все-таки?..

- Отстань от человека, - негромко сказал Вечеровский. - Ты прекрасно понимаешь, что это не жулики.

- То есть? Откуда это следует?

- Если бы ты считал их обыкновенными жуликами, ты бы уже был в милиции, а не здесь.

- Как это, интересно, я попрусь в милицию? А факты?

- Вот именно, - сказал Вечеровский. - Факты. Факты, дорогой мой! Так что не тешь себя иллюзиями, это не жулики. Какое дело жуликам до твоих полостей устойчивости?

- А какое до них дело инопланетным пришельцам?

- Тебе же объяснили, какое. И объяснили весьма логично Твоя работа в перспективе выводит человечество в ряды сверхцивилизаций, делает нас их соперниками во Вселенной. Естественно, они предпочитают расправиться с соперником, пока тот еще в колыбели. Как это сделать? Высаживать десанты? Взрывать арсеналы? Зачем? Надо именно так: тихо, бесшумно, почти безболезненно скальпелем по самому ценному, что есть у человечества, - по перспективным исследованиям...

- Бог ты мой, Фил! Ты же сам говоришь - это сверхцивилизация, а значит, сверхразум, сверхгуманность, сверхдоброта!..

Вечеровский кривовато усмехнулся.

- Милый мой, откуда тебе знать, как ведет себя сверхдоброта? Не доброта, заметь себе, пожалуйста, а сверхдоброта.

- Все равно, все равно... - Малянов замотал щеками. - Методы... Методы, Фил! Ты пойми, это сверхмощная организация. Он же способен исчезать и появляться мгновенно... это же как волшебство! Если

сверхцивилизация, то они, с нашей точки зрения, почти всемогущи. И вдруг такая дешевка - доведение до самоубийства, шантаж, подкуп.

- Что ты знаешь о сверхцивилизациях?

- Нет-нет. Все равно. Нецелесообразно.

- Какова целесообразность моста - с точки зрения рыбы? - провозгласил Вечеровский. - Когда тебе на щеку садится комар, ты бьешь по нему с такой силой, что мог бы уничтожить всех комаров в округе. Это целесообразно?

- Я понимаю, что ты хочешь сказать. Но дело даже не в этом. Как ты не чувствуешь несоразмерности? При их всемогуществе. Ну зачем им поднимать весь этот шум? Зачем им нужно, чтобы Малянов бегал по знакомым и жаловался в милицию? Зачем? Ведь куда проще было подсунуть ему тухлого омара - и концы.

- И-ну, значит, они принципиальные противники убийства, - сказал Вечеровский, снова принимаясь разливать кофе. - Сверхгуманность.

- Ага, ага - шантажировать можно, а убивать нельзя. Ну ладно... Можно же и без убийства, в рамках, так сказать, гуманности... Мощно так, например, - садится Малянов работать над своей статьей, и сейчас же у него разбивается живот, да так, что никакого терпению нет, и уже ни о какой работе говорить невозможно. Отложил работу - все прошло, снова взялся за нее...

Тут Малянов замолчал, потому что заметил, что Вечеровский его не слушает. Вечеровский сидел и нему боком и, крутя в пальцах драгоценную трубку, пристально глядел на Глухова, а Глухов вдруг забеспокоился, зашевелился, снова съехал в кресле, и главки его приняли выражение, как у загнанного зверька.

- Что вы на меня смотрите, Филипп Павлович? - жалобно проскрипел он.

- Прошу прощения, - сейчас же отозвался Вечеровский и, отведя глаза, принялся старательно выбивать и вычищать трубку.

- Нет, позвольте! - снова заскрипел Глухов, но теперь уже не жалобно, а скорее даже вызывающе. - Я ваш взгляд понимаю вполне определенным образом... И я раньше замечал такие взгляды.. И ваши прежние намеки! Я хотел бы изъясниться сейчас же и окончательно! И пусть Дмитрий Алексеевич присутствует... Посудите сами, Дмитрий Алексеевич, - он повернулся к Малянову. - Будьте судьей. Да, у меня было нечто подобное... Но это аллергия, и не более того. Болезнь века, как говорится..

- Не понимаю, - сказал Малянов сердито.

- Действительно, это было как-то связано с моей работой. Какая-то связь, пожалуй, была... Но ведь не более того. Не более того, Филипп Павлович! Аллергия - и не более того!..

- Я вас не нанимаю, Владлен Семенович! - сказал Малянов, оживляясь, ибо кое-что ему стало понятно.

- Все очень просто, - сказал Вечеровский лениво. - Начиная с прошлого марта, стоило Владлену Семеновичу сесть за свою диссертацию, уже почти готовую, между прочим, как его поражала головная боль, причем столь сильная, что он вынужден бывал работу свою прекращать. Это длилось несколько месяцев и кончилось тем, что Владлен Семенович свою диссертацию и вовсе отставил.

- Позвольте, позвольте! - живо вмешался Глухов - Все это так, но я хочу подчеркнуть, что я отставил ее, как вы выражаетесь, только временно и исключительно по совету врачей. И я попросил бы никаких аналогий здесь не проводить. Всякие аналогии здесь совершенно неправомерны.

- Над чем вы работали? - резко спросил Малянов. - Тема?

- "Культурное влияние США на Японию. Опыт количественного и качественного анализа", - с готовностью отбарабанил Глухов.

- Господи, - сказал Малянов. - При чем тут культурное влияние...

- Вот именно! - подхватил Глухов. - Вот именно!

- А тема у вас не закрытая была?

- Ни в какой степени! Совершенно!

- А Губаря, Захара Захаровича, вы не знаете?

- Да в первый раз слышу!

Малянов хотел спросить еще кое о чем, но спохватился: он вдруг понял, что задает Глухову такие же вопросы, какие Снеговой задавал вчера ему, Малянову.

- Вы понимаете, что я не мог не последовать совету врачей, - продолжал между тем Глухов. - Врачи посоветовали, и я отложил пока эту

работу. Пока! В конце концов в мире достаточно прелести и без этой моей работы... И потом я, знаете ли, амбиций никаких не имею, да и не имел никогда... Я ученый маленький, а если по большому счету, то и не ученый, собственно, а так, научный сотрудник. Конечно, я люблю свою работу, но с другой стороны... - он поглядел на часы и всполошился: - Ай-яй-яй-яй! Поздно-то как! Я побегу... Я побегу, Филипп Павлович! Извините меня, друзья мои, но сегодня же детектив по телевизору. Ах, друзья мои, друзья мои! Ну много ли человеку надо? Если честно, если без дурацкой простите, романтики? Добротный детектив, стакан правильно заваренного чая в чистом подстаканнике, сигаретка... Право же, Дмитрий Алексеевич, было трудно, очень болезненно было мне выбрать более спокойный путь, но врачи врачами, а если подумать: что выбирать? Ну, конечно же, жизнь надо выбирать. Жизнь! Не абстракции, пусть даже самые красивые, не телескопы же ваши, не пробирки, не затхлые же архивы! Да пусть они подавятся всеми этими телескопами и архивами! Жить надо, любить надо, природу ощущать надо... Именно ощущать, прильнуть к ней, а не ковырять ее ланцетом... Когда я теперь смотрю на дерево, на куст, я чувствую, я ощущаю физически: это мой друг, мы нужны друг другу... Ах, Дмитрий Алексеевич!

Он вдруг махнул рукой и пошел из комнаты, на ходу вдевая руки в рукава серого своего занюханного пиджачка. Он даже не простился ни с кем. Пронесся по гостиной сквознячок, колыхнул облако табачного дыма над головой Вечеровского, потом ахнула вырвавшаяся, видимо, из рук входная дверь, и все стихло.

- Ну и что ты думаешь? - осведомился Малянов агрессивно.

- О чем?

- Что ты думаешь о своем Глухове? По-моему, его запутали. Или даже купили. Какал гадость!

- Не суди и несудим будешь.

- Ты так ставишь вопрос? - сказал Малянов саркастически.

Вечеровский наклонился вперед, выбрал в чаше новую трубку и принялся медленно, вдумчиво набивать ее.

- Мне кажется, Митя, - сказал он, - ты плохо пока понимаешь свое положение. Ты возбужден, ты слегка напуган, сильно озадачен и в высшей степени заинтригован. Так вот, тебе надлежит понять, что ничего интересного с тобой не произошло. Тебе предстоит очень неприятный выбор. Неприятный в любом случае, ибо если ты поднимешь руки, то станешь таким, как Глухов, и никогда не простишь себе этого, ты же очень высокого о себе мнения, я тебя знаю. Если же ты решишь бороться, тебе будет так плохо, как бывает только человеку на передовой...

- На передовой люди тоже жили, - сказал Малянов сердито.

- Да. Только, как правило, плохо и недолго.

- Ты что, запугиваешь меня?

- Нет. Я пытаюсь только объяснить тебе, что в твоём положении нет ничего интересного. На тебя действует сила - чудовищная, совершенно несоразмерная и никак не контролируемая...

- Ты все-таки считаешь, что это сверхцивилизация?

- Послушай, дружище, какая тебе разница? Тля под кирпичом, тля под пятаком... Ты - одиночный боец, на которого прет танковая армия.

- Клопа танком не раздавишь, - пробормотал Малянов.

- Верно. Но ты же не согласен быть клопом.

- Хорошо, хорошо, но что ты мне посоветуешь? Я ведь пришел к тебе за советом, черт тебя дерн, а не философией заниматься...

- Я тебе могу посоветовать только одно: пойми и осознай, что ничего интересного...

- Это я уже понял!

- По-моему, нет.

- Это я уже понял! - сказал Малянов, повышая голос. - И легче мне от этого не стало. Если это жулики, то я их не боюсь. Пусть они меня боятся. А если это действительно сверхцивилизация, если это действительно вторжение... Во-первых, я не очень-то в это верю... А во-вторых, что ж, мы так и будем сдаваться - одна за другим? Мы ляжем на спинку, все по очереди, и будем жалостно махать лапками в воздухе, а они беспрепятственно станут отныне определять, чем нам можно заниматься, а чем нельзя? Нет, отец, этого допускать нельзя, как хочешь...

- Логично, - сказал Вечеровский без всякого, впрочем, одобрения в

голосе. - И даже красиво. Только на передовой нет ни логики, ни красоты. Там - грязь, голод, вши, страх, смерть...

Малянов не слушал его. Он глубоко вдруг задумался. Рот приоткрылся, глаза стали бессмысленными. Потом он вдруг улыбнулся.

- Слушай, Фил, - сказал он. - А мощную, наверное, я сделал работу, если целая сверхцивилизация поднялась на нее войной. А?

Дома он снова засел за работу. Он махнул рукой на все, все отринул, все забыл - он работал. Он исписывал формулами листок за листком и швырял черновики прямо на пол. Было уже поздно. Гасли окна в домах напротив. Стало совсем темно. Из открытого окна летели мотыльки, кружились вокруг лампы, падали на бумагу перед Маляновым. Он их досадливо смахивал, но они возвращались на ярко-белое - снова я снова.

Мальчик как с вечера заснул, так и спал беспробудно, обняв во сне мохнатого олимпийского мишку. Малянов прикрыл их обоих шалью. По кушетке разбросаны были книги: том Спинозы, Достоевский, "Популярная медицинская энциклопедия" и какие-то детские, с картинками.

Работалось Малянову очень хорошо, он ни на что не отвлекался, только один раз почудилось ему боковым зрением, что в кресле для гостей сидят, прикрыв лицо ладонью, большой темный человек... Малянов вздрогнул так, что ручка вылетела у него из пальцев и закатилась под бумаги. Еще мгновение он совершенно отчетливо видел человека в кресле и успел понять, что это Снеговой сидит там, упершись локтем в подлокотник, и смотрит одним глазом через расставленные пальцы... Потом страшное видение исчезло - купальный халат лежал в кресле, разбросав пустые рукава. Но Малянов вынужден был встать и пройти несколько раз по комнате, чтобы успокоиться. Халат он сложил и унес в ванную.

А потом, это было уже часов в одиннадцать, раздался вежливый тихий звонок в дверь, и мальчик сразу сел, словно подброшенный, словно он и не спал вовсе.

- Это за мной! - сказал он с отчаянием.

Малянов с трудом оторвался от своих бумаг.

- Что ты сказал?

- Ты все-таки засел за свою проклятую работу.. - продолжал мальчик, отползая до такте в самый угол - Я все проспал, а ты опять засел за эти проклятые формулы... Я же предупредил тебя... Эх, ты, Галилей задрипанный...

В дверь зазвонили снова.

Малянов, заранее хмурясь, вышел в прихожую и щелкнул замком. На пороге стоял приятной внешности мужчина лет тридцати в потертых джинсах и какой-то курточке, накинутой прямо поверх майки, - по-домашнему. А на ногах у него вместо ботинок были шлепанцы, тоже по-домашнему.

- Прошу извинить, - сказал он, прижимая руку к сердцу. - Но мне сказали, что мой Витька у вас...

- Витька?

- Вы знаете, он у нас парнишка с фантазиями... Уж извините, если он вас утомил, но у него манера появилась: натворит что-нибудь, а потом удерет, спрячется у соседей, навывдумывает там с три короба...

- Прошу, - сказал Малянов сухо.

Он и сам не мог объяснить себе, чем не нравился ему этот вежливый папаня, явно и очевидно угнетенный невоспитанностью и самовольством своего капризного сына. Они вместе вошли в комнату, и папаня прямо с порога залез безил:

- Ну что ж ты, Витька... Что ты, в сам деле, вытворяешь. Ну, пошли домой, пошли... Хватит. Подумаешь, графин раскокал. Будто тебя за это бить будут. Пошли. Мама там плачет, волнуется... Пошли, а?

Мальчик, молча поджав по-взрослому губы, принялся послушно слезать с тахты, а папаня все продолжал говорить, как заведенный:

- Беда мне с ним, беда и беда. Хоть к врачам обращайся. Растет дикий, как камышовый кот. Не признает, ну, ни малейшей строгости... Витя, застегни, пожалуйста, сандалики... свалятся... Вы только представьте себе: ну я - мужик, ладно, но матери-то каково, Дмитрий Андреевич!..

- Алексеевич, - машинально поправил Малянов.

- Разве? А мне сказали: Андреевич.

- Кто сказал?

- Да в жакте какая-то тетка... Ты готов, Витька? Ну пошли...
Извините, ради бога, за беспокойство. Ох, дети, дети...

Мальчик взялся за протянутую руку мужчины и только сейчас глянул на Малянова, и взгляд у него был такой странный, что Малянов подобрался и, преодолевая неловкость, проговорил:

- М-м-м... Вы простите, но... Документы ваши... Все-таки чужой ребенок... Разрешите взглянуть...

- Ну конечно, ну ясно! - всполошился мужчина, хлопая себя по карманам курточки и джинсов. - Мы же здесь я живем, в этом же ломе, только в четвертом подъезде... Милости прошу, в любой момент... Будем очень рады... Вот, пожалуйста, - он протянул Малянову маленькую аккуратную визитную карточку - Полуянов Александр Платонович, работаю на СНУ-16, главный инженер... так что человек довольно известный... Прошу, так сказать, любить и жаловать. Очень было приятно познакомиться, но в будущем лучше было бы встречаться в более приятной ситуации, правильно? Извините, еще раз, Витька, попрощайся с Дмитрием Андреевичем и скажи "спасибо".

- До свидания, - сказал мальчик без выражения. - Спасибо.

И Малянов остался в прихожей один.

Он вернулся к столу, швырнул поверх бумаг визитную карточку и встал около распахнутого окна так, чтобы видеть свой подъезд. Ртутный фонарь мертво светил сквозь черную листву. Прошла заплетающимся шагом парочка в обнимку и скрылась в палисаднике. Две старухи молчали, сидя рядышком на скамеечке около подъезда. Из дома никто не выходил.

Тогда Малянов перегнулся через стол и снова взял в руки визитку. Только теперь это была не визитка. Это был маленький прямоугольник очень белого картона, чистый с обеих сторон.

И вдруг за окном заплакал, забился в истерике ребенок: "Ой, не надо! Ой, я больше не буду!.. Ой-ей-ей... я не буду больше!" Малянов тотчас высунулся из окна по пояс - на улике никого, только хлопнула где-то в отдалении дверь и сразу же стихли отчаянные детские вопли.

В два огромных прыжка Малянов пересек вся свою квартиру и оказался на лестнице. И там, конечно, было пусто тоже. Только лежал на верхней ступеньке пролета какой-то непонятный желтый предмет. Это была маленькая сандалия. С правой ноги. Малянов поднял ее, повертел в руках, потом медленно вернулся домой, к столу, где лампа ярко освещала исчищенные, разрисованные кривыми листки, по которым ошалело ползали большие черные мотыльки и всякая крылатая зеленая мелочь.

Он собрался быстро.

Все бумаги, лежавшие на столе, все листки, разбросанные по полу, чистовые страницы статьи с еще не вписанными формулами, графики, таблицы, красиво вычерченные для показа по эпидиаскопу, - все это он аккуратно и ловко собрал, подровнял и сложил в белую папку "Для бумаг". Папка раздулась, и он для вящей прочности перетянул ее хозяйственной резинкой. Потом нашарил в ящике стола черный фломастер и неторопливо со вкусом вывел на обложке: "Д. Малянов. Задача о макроскопической устойчивости".

Закончив все дела, он взял папку под мышку, внимательно оглядел комнату, будто рассчитывал обнаружить что-нибудь забытое впопыхах, и выключил лампу. Стало темно, только светились насыщенным красным светом цифры на дисплее калькулятора. Тогда он выключил и калькулятор тоже.

Он подъехал к дому Вечеровского на велосипеде, которым управлял одной рукой, правой, - потому что под мышкой левой у него была зажата толстая белая папка. Медленно, грузно, словно больной, он сполз с седла, прислонил велосипед к стене и поднялся по лестнице к подъезду.

Дверь была распахнута. В проеме, прямо на пороге, сидел какой-то человек. Он поднял навстречу Малянову лицо, и Малянов узнал Глухова. Лицо у Глухова было измученное, перекошенное и вдобавок измазанное не то сажой, не то краской.

- Не ходите туда, Дмитрий Алексеевич, - проговорил Глухов. - Туда сейчас нельзя.

Он загораживал проход и Малянов молча стоял перед ним и ждал.

- Еще одна папка. Белая. Еще один флаг капитуляции... - Глухов закричал и медленно, в три разделения, поднялся на ноги, держась за поясницу. В руках у него оказалась серая сильно помятая шляпа. Он нацепил ее на лысину и сейчас же снял.

- Понимаете... - проговорил он. - Никак не решусь уйти. Тошно. Капитулировать всегда тошно. В прошлом веке частенько даже стрелялись, только чтобы не капитулировать...

- В нашем - тоже случалось, - сказал Малянов.

- Да, конечно, конечно. Но в нашем веке стреляются главным образом потому, что стыдятся других, а в прошлом стрелялись, потому что стыдились себя. Теперь почему-то считается, что сам с собою человек всегда сумеет договориться... - он хлопнул себя шляпой по бедру. - Не знаю, почему это так. Мы все стали как-то проще, циничнее даже, мы стесняемся краснеть и стараемся спрятать слезы... Может быть, мир все-таки стал сложнее за последние сто лет? Может быть, теперь, кроме совести, гордости, чести, существует еще множество других вещей, которые годятся для самоутверждения?..

Он смотрел выжидательно, и Малянов сказал, пожав плечами:

- Не знаю. Может быть Я не знаю.

- И я тоже не знаю, - сказал Глухов как бы с удивлением. - Казалось бы, опытный капитулянт, сколько времени уже думаю об этом... только об этом... сколько убедительных доводов перебрал... Вот уж и успокойся будто, и убедишь вроде бы себя, и вдруг заново. Конечно, двадцатый век - это не девятнадцатый, разница есть. Но раны остаются ранами. Они заживают, рубцуются, и вроде бы ты уже и забыл о них вовсе, а потом переменится погода, и они заново. И всегда так это было, во все века.

- Это вы про совесть говорите, да?

- Про совесть. Про честь. Про гордость.

- Да, - сказал Малянов. - Все это правильно. Только иногда чужие раны больнее.

- Ради бога! - прошептал Глухов, прижимая шляпу к груди обеими руками. - Я бы никогда не осмелился... Как я могу вас отговаривать или советовать вам? Да ни в коем случае!.. Но я все думаю и никак не могу разобраться: почему мы так мучаемся? Ведь совершенно же ясно, ведь каждый же скажет, что поступаем мы правильно... иначе поступить нельзя, глупо поступать иначе... детский сад какой-то, казаки-разбойники... А мы уже давно не дети... Все правильно, все верно... Почему же так мучительно стыдно? Не понимаю! Никак не могу понять.

Тут он вдруг захихикал совершенно неуместно, а потому и мерзко, и принялся махать шляпой кому-то за спиной Малянова. Малянов оглянулся. Там под фонарем, шагах в двадцати от них, стояла женщина - в летах уже полная и почему-то с тростью... или с зонтиком?

- Так что все в порядке! - искусственно бодрым и повышенным голосом провозгласил вдруг Глухов. - Если зуб болит, его беспощадно удаляют. Такова логика жизни. Не так ли, Дмитрий Алексеевич? Ну, желаю вам всяческого...

Он снова захихикал, закивал, заулыбался - ясно было, что делает все это и говорит он исключительно для женщины с тростью, но это было глупо: она стояла слишком далеко, чтобы различать его ужимки. А он снова замахал ей шляпой и ссыпался по лестнице - этак молодо, энергично, по-студенчески - и быстро зашагал к фонарю, все еще продолжая размахивать шляпой. "...Тревоги нашей позади!.. - доносилось до Малянова, - ...солнце снова лето возвестило!.. вот и я!.." Он подошел к женщине, попытался обнять ее за плечи одной рукой, но это у него не получилось - он был слишком мал для такой крупной женщины, тогда он просто взял ее под руку, и они пошли прочь, она сильно прихрамывала и опиралась на трость, а он все размахивал свободной рукой с зажатой в ней шляпой и все говорил, говорил не переставая: "...всяческая суeta!.. и совершенно напрасно!.. как я и говорил... ну что ты, маленькая!"

Малянов проводил их взглядом, взял свою папку поудобнее и стал подниматься по лестнице.

Вечеровский открыл ему дверь не сразу. Узнать его было нелегко - Вечеровский словно только что выскочил из пожара. Элегантный домашний

костюм изуродован: левый рукав почти оторван, слева же, на животе, большая прожженная дыра. Некогда белоснежная сорочка - в грязных разводах, и все лицо Вечеровского в грязных пятнах, и руки его.

- А! Заходи, - сказал он хрипловато, повернулся к Малянову спиной и пошел в глубь квартиры.

В гостиной все было разгромлено, словно лопнул здесь только что картуз дымного порока. Копоть чернела на стенах, копоть тоненькими нитями плавала в воздухе... Зияла обугленная дыра посреди ковра... И горы рассыпанных, растрепанных книг... и осколки аквариума, и расплюснутые обломки звукоаппаратуры... Все искорежено, искромсано и будто опалено адским огнем.

Они прошли в кабинет, где все было, как и прежде, безукоризненно чисто и элегантно, и Малянов, обернувшись на разгром в гостиной, спросил:

- Что это было?

- Потом, - сказал Вечеровский и откашлялся. - Что у тебя?

Тогда Малянов положил на стол свою папку и проговорил сквозь зубы:

- Вот. Они забрали мальчика. Пусть это пока у тебя полегит.

- Пусть, - спокойно согласился Вечеровский. Он поднял к глазам чумазые руки и весь перекосясь от отвращения. - Нет, так нельзя. Подожди, я должен привести себя в порядок.

Он стремительно вышел, почти выбежал из комнаты, а Малянов, оставшись один, прошел к дверям в гостиную и еще раз, теперь уже очень внимательно, оглядел царивший там разгром.

Когда он вернулся к столу, лицо его было угрюмо, а брови он задрал так высоко, как это только было возможно.

Потом он оглядел стол.

Стол был завален папками. Там была толстая черная папка с наклеенной на обложке белой карточкой: "В. С. Глухов. Культурное влияние США на Японию. Опыт количественного и качественного анализа". Там была еще более толстая, чудовищная зеленая папка с небрежной надписью фломастером: "А. Снеговой. Использование фелдингов". Собственно, там было даже две таких папки... Там была простенькая серая тощая папка некоего Вайнгартена ("Реввертаза и пр.") и перетянутая "резинкой" пачка общих тетрадей (некто У Лужков, "Элементарные рассуждения"), и еще какие-то папки, тетради и даже свернутые в трубку листы ватмана с чертежами.

И там, с краю, лежала белая папка с надписью: "Д. Малянов. Задача о макроскопической устойчивости". Малянов взял ее и, усевшись в кресло, прижал к животу.

Вернулся Вечеровский - свежесмытый, с мокрыми еще волосами, снова весь элегантен и по классу "А": белые брюки, черная рубашка с засученными рукавами, белый галстук, на ногах какие-то немислимые мокасины.

- Вот так гораздо лучше, - объявил он. - Кофе?

- Что все это значит? - спросил Малянов, показывая на стол.

- Это значит, - сказал Вечеровский, усмехнувшись, - что каждому хочется верить, будто рукописи не горят.

- Значит, все это вот.. - Малянов повел рукой в сторону разгромленной гостиной.

- Не без того, не без того... Итак, кофе?

- Но почему все они притащили это именно тебе?

- А ты? Ты почему?

- Не знаю, - сказал Малянов растерянно. - Я же не знал, что тут у тебя делается... Мне показалось, что... пусть полежат пока у тебя... раз иначе нельзя...

- Вот и им тоже показалось. Всем. В последний раз спрашиваю: кофе?

- Да, - сказал Малянов.

Они пили кофе на кухне, где все сверкало чистотой, все стояло на своих местах и все было только самого высокого качества - на мировом уровне или несколько выше. Папку свою Малянов положил на стол рядом с собою и все время держал ее под локтем.

- Зачем тебе понадобилось связываться с нами? - спрашивал он. - Что за глупая бравада!

- Это не бравада. Это проблема, - Вечеровский отхлебнул кофе из чашечки кузнецовского фарфора и запил ледяной водой из высокого запотевшего стакана. - Посуди сам Снеговой занимался изучением фелдингов. Это - радиотехника, прикладная физика, в какой-то степени атмосферная

физика. Глухов - специалист по новейшей истории, социолог, "Культурное влияние" его - это чистая социология. У тебя - астрофизика и теория гравитации... Я хочу понять, что общего у всех ваших работ? По-видимому, где-то в невообразимой дали времен они сходятся в точку, и точка эта очень важна для нас... для человечества, я имею в виду, - он снова с аппетитом отхлебнул кофе. - Сверхцивилизация, как я понимаю, это сила настолько огромная, что ее вполне можно считать стихией, а все ее проявления - это как бы проявления нового закона природы. Воевать против законов природы - глупо. Капитулировать перед законом природы - стыдно. В конечном счете - тоже глупо. Законы природы надо изучать, а изучив, использовать. Именно этим я и намерен заняться.

десять новых идей заложу, двадцать идей, а если вам не понравится еще какая-нибудь, ну что ж, снова поторгуюсь!.. И не коптите мне мозги красивыми словами! Через миллиард лет от меня и молекул не останется. А я человек простой, я хочу умереть естественной смертью и совесть свою не пачкать...

Он вдруг замолчал, словно ему заткнули рот, уселся на прежнее место, схватил папку, бросил ее на стол, снова схватил.

- Не знаю, что делать, - сказал он жалобно. - Может быть, они только запугивают?

- Может быть, - сказал Вечеровский.

- Однако Снегового они до смерти запугали.

- Похоже на то.

- Ч-черт! Работу жалко. Экстра-класс. Люкс. У меня, может быть, никогда больше ничего подобного не выйдет.

- Возможно, - сказал Вечеровский.

- Но мальчишка-то? Мальчишка-то как? Или, может быть, запугивают? Ну невозможно же себе это представить, чтобы они осмелились... А может быть, это вовсе и не мальчишка даже? Уж очень он странный... Может быть, это робот какой-нибудь, а?

Вечеровский, не отвечая, поднялся и снова принялся заваривать кофе. Малянов следил за ним бездумным взглядом.

- А если они тебя угробят? - спросил он.

- Вряд ли.

- А если все-таки?.. Куда же тогда все это денется? - он потряс папкой.

- Ну ты же в курсе, - сказал Вечеровский, не оборачиваясь. - Да и не один ты. Вас довольно много.

- Только не я, - сказал Малянов, мотая щеками. - Я в это дело путываться не желаю. Уволь.

Тогда Вечеровский повернулся к нему и прочитал негромко: "Сказали мне, что эта дорога меня приведет к океану смерти, и я с полпути повернул назад. С тех пор все тянутся передо мною кривые, глухие, окольные тропы..."

Малянов застонал, как от боли.

Он сидел, прижав папку к животу, и раскачивался взад-вперед, плотно зажмурив глаза, скрипя стиснутыми зубами, и в голове у него не было ни одной мысли, только глуховатый голос Вечеровского в десятый, двадцатый раз повторял одно и то же: "...с тех пор все тянутся передо мною кривые, глухие, окольные тропы..."

А в пяти километрах от этой кухни, на плоском песчаном морском берегу, на мелководье, в неподвижной, похожей на застывшее стекло воде лежал навзничь, неловко подвернув под себя руку, мальчик в коротких штанишках с лялочкой и с сандалией только на одной левой ноге. Он был совершенно неподвижен, и смотреть на него было неприятно и страшно, потому что он казался давно и безнадежно мертвым.

Над сопками-скалами, окаймляющими город, над недалекими отсюда домами окраины показалось солнце. Длинные синие тени легли на пляж. Легкий ветерок пронесся и зарябил воду у берега. И тогда мальчик вдруг пошевелился. Упираясь ладонями в песок, он поднялся и поглядел сонными глазами вокруг. Потом он вдруг вскочил и запрыгал на одной ноге, вытряхивая воду из уха и приговаривая: "Ухо, ухо, вылей воду на дремучую колоду..."

И был пляж, и было стеклянное море, и солнце вставало самым жизнеутверждающим образом, и мальчуган, вполне живой, здоровый, веселый, разве что несколько мокрый, а потому слегка озябший, бредет вдоль воды босиком, загребая ногами влажный песок, держа в руке одинокую сандалию.